

Екатерина Дей

Амир

Часть VI

Екатерина Дей
Амир. Часть VI

«Издательские решения»

Дей Е.

Амир. Часть VI / Е. Дей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906881-1

Шестая часть из серии книг Екатерины Дей «Амир» в жанре любовного фэнтези продолжает рассказ о вожде хасов, превратившемся в Тёмного ради спасения своего народа. Рина активно вмешивается в дела мужа, и Амир берет под свою защиту новое поколение Собирателей и Хранителей.

ISBN 978-5-44-906881-1

© Дей Е.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Амир Часть VI

Екатерина Дей

© Екатерина Дей, 2018

ISBN 978-5-4490-6881-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Мы с Фисой стояли в круглой комнате и рассматривали прекрасный замок, невероятным образом примостившийся на высокой скале. Башенки стремились в солнечное небо, а узкие оконца поблескивали цветными витражами. Присмотревшись, я заметила тоненькую фигурку на резном балкончике: кто-то так же как мы всматривался в морскую даль и ждал, или прощался, отправляя любимого в опасный путь. Я знала, что Амир силён, воин уже столетия, вождь и ирод, но каждый день пыталась себя заставить не думать о возможных опасностях, которые его подстерегают. Всё уже ему известно, разведка проработала все возможные варианты событий, он сам обдумал и действует в соответствии с собственным опытом, который я даже представить себе не могу. Так говорила я себе, и продолжала волноваться.

Фиса вздохнула и как повторила мои мысли:

– Ироды ведь, веками так живут, а баба она баба и есть, токмо у оконца стоять да мужика дожидаться.

Амира не было уже пять долгих дней. В доме оказались только великолепные, которые старались особо не попадаться нам на глаза. Первые два дня я не вставала с постели, Фиса заявила, что лёжа синева быстрее пройдёт. Так и получилось: к вечеру второго дня я вернула себе почти естественный вид, лишь местами по телу ещё проявлялись тонкие, едва заметные голубоватые полосы. И волосы выступили на голове, не космы, конечно, а едва заметный пушок, весело резвившийся во все стороны. Я лежала эти дни замотанная всем телом в разноцветные простыни, утром зелёная, после обеда красная, а вечером жёлтая. А на голове возвышался смешной колпак из холста, чтобы лечебная мазь не стиралась. Запах этой мази меня изводил, казалось, что я вся пропахла ею, и уже никогда не смогу больше ничего чувствовать, никакого аромата. Фред кормил всякими изысками со странным вкусом, но я уже знала, что он колдун, поэтому вопросов не задавала, тем более, что он всегда смотрел на меня напряжённым взглядом, как я отнесусь к его стараниям быстрее меня вылечить.

Массаж я героически терпела, хотя иногда и выговаривала Фисе:

– Больно же, все кости мне переломает, вождь вернётся, а я вся поломатая. Давай Лана позовем, он тайский массаж должен знать...

– Ишо что придумает, мужика допустить... вождь возвернётся покажет вам обоим тайский.

И продолжала измываться надо мной своими маленькими, но очень сильными пальчиками. Её стараниями я уже плаваю в бассейне, вечером лежу в голубой ванне, продолжаю носить колпак на голове и причёсываю, смешно, скребу кожу головы метёлкой из жёстких колючих трав.

Я показала Фисе фигурку на балконе, и она тут же схватила пульт:

– Глянем, вдруг кто знакомый.

– Это же неизвестно где снято, на Канарах каких-нибудь.

– Мало ли... вождь ничего запросто так не делает...

– Фиса, это же просто картинка красивого места с морем.

– Ты вот...

И осеклась, я вопросительно на неё взглянула, а она опустила глаза и стала нажимать на кнопки. Опять удивление – стародавняя ведьма, разговаривающая на смешанном языке средних веков, одевавшаяся как бабка из деревни, легко и просто обходилась со всякой техникой. Пожалуй, и машину водит как ироды.

– Фиса, а ты машину водишь?

– А как же, и вертолёт сподобилась, токмо из небес с иродами научилась ако птица лететь.

– Ты водишь... вертолёт?

– Чему удивляешься, была оказия, думаю, а почто стрекоза стоит... ничего себе летает... интересно.

Но фигурку Фиса не узнала, хотя оказалось, что изображение можно сильно увеличить. И мы ещё долго с ней рассматривали разные виды, вплоть до раков на побережье, быстро бегущих среди камней в одном им известном направлении.

Так прошло ещё два дня, и тоска меня совсем согнула. Утром я отказалась вставать, так и заявила Фисе:

– Не хочу... буду лежать и лежать...

И к моему удивлению она не стала меня убеждать немедленно подняться и готовиться к встрече с вождём, присела на постель, погладила по руке.

– Ждётся...

– Жду.

Мы с ней помолчали, каждый о своей тоске, Роберта тоже не было, он уехал вместе с Амиром. Только иногда звонил Вито и отчитывался, но как всегда: всё хорошо, не волнуйтесь. Фиса докладывала мне о звонках, и мы грустно вздыхали.

– Почему Амир никогда мне не звонит, с тобой разговаривает... а мне не звонит...

– Видит тебя, каждую минуту видит...

– А со мной не говорит, я же его не вижу... и Вито нет...

– Не вздумай к Филу приставать!

– Фиса...

Я отвернулась от неё и закрылась одеялом с головой, зачем мне Фил, не его руки мне были нужны. И не его глаза.

– Вот так всегда, вождь смотрит, а я... обидно же...

А Фиса вдруг засмеялась, даже голову откинула от откровенного хохота.

– Ты что... Фиса, почему ты надо мной смеёшься?

– Да ты умом тронулась... кто ж тебе... воинство... да разборки ихние, иродовые... зверинец... покажет... поле чистое небось осталось... Муж воевать, а ты ему... цветочек привезти не забудь... али халатик...

Я хмуро взглянула на неё, права, опять права, но ведь бывают же перерывы в боях, затишье, можно тогда словечко в телефон сказать. Она хитро взглянула на меня, поправила платочек и как услышала мои мысли:

– Вождь каждую минуточку использует, только бы к тебе добраться, под тёплый бочок примоститься, да в глазки светлые глянуть... Штаб везде, самолётом летит – там штаб, бегом бежит, опять не один, каждый шаг приказ.

– Халат купить некогда... не буду звонить... сам бы вернулся, посмотрел, обнял. Фиса, я бывшего мужа никогда не ждала, ушёл и ушёл, даже не думала, когда вернётся, вернулся и вернулся. А сейчас... как будто годы прошли.

Слёзы покатались по щеке, и я сквозь туман в глазах просипела:

– Хоть какой, Фиса, пусть клыки торчат, когти... я приноровлюсь, научусь с таким... только бы вернулся... только бы взглянул... хоть слово сказал... пусть молчит... живой, только живой...

Фиса тоже всхлипнула, утёрлась платочком:

– Да что им делается... иродам...

– Лежал... лежал тогда... мне так страшно было... он – и вдруг лежит, сердце чуть не разорвалось.

– Ты давнее-то не вспоминай, не надобно...

– Почему? Скажи, Фиса, почему Амир не говорит о себе? Он ничего о себе не говорит, или только со мной так?

Откинув одеяло, я приподнялась на постели:

– Он вождь со мной... а я мужа хочу, понимаешь – мужа. Я ведь люблю его, всякого люблю...

Но продолжить не смогла, слёзы хлынули горным потоком, и, уткнувшись в подушку, я зарыдала. Фиса улеглась рядом и обняла:

– Ты поплачь, милая, поплачь, сердечку-то легшее и станет.

Наплакавшись вдоволь, мы сели с ней у окна, и она предложила спеть:

– Песня она душу успокоит, давненько голосок твой не летал птицей вольной, пора пришла. Вождь возвратится, а ты ему радость сердцу и поёшь.

– Да... он просил.

– Так пой, соловушка, пой.

– Соловушка, скажешь тоже... ворона лысая.

– Он волос твой золотой видит, красоту неземную...

– Точно неземная – синяя и лысая, такого земля ещё не видела.

И мы дружно засмеялись, вдвоем и тоску легче пережить. А потом пели песни, все подряд, и Фиса не сделала мне ни одного замечания, хотя я сама чувствовала, где привираю мотив.

Фред не выдержал и принес поднос в спальню. Улыбнувшись, он сказал нам:

– Жена вождя, Фиса, завтрак пришёл сам, хоть так поешьте.

Мы пели и за завтраком, я, размахивая чашкой с какао, а Фиса стаканом с отваром. Когда Фред забирал поднос, Фиса спросила его:

– Каково наша лебёдушка пела?

– Фред, ты меня не слушай, такой ужас... я давно не пела...

– Ты красиво поёшь... душевно.

Он хотел ещё что-то добавить, но смутился и ушёл. Мы опять устроились у окна, и я вспомнила стихотворение, которое когда-то давно мучило меня. Нашла я его случайно, и сразу запомнила, как оказалось навсегда. Это была та мечта, которая неисполнима в жизни, по крайней мере, мне так казалось. Хотя она и сейчас осталась такой.

– О чём задумалась, лебёдушка?

– Когда-то давно, очень давно... я нашла стихотворение... Ты знаешь, Фиса, в жизни... оно мне всю жизнь испортило... такая несбыточная мечта, об этом, наверное, все женщины мечтают. Я постоянно его повторяла и повторяла, потом поняла, что так можно с ума сойти, ведь вокруг никого не было... чтобы хоть прочитать эти строчки... и тебя поняли.

Я замолчала и склонила голову, а Фиса обняла меня и попросила:

– А ты мне прочти, я всё-таки ведьма, может и пойму. Ты читай...

– Это не про меня... совсем... просто стихи.

– Читай, а я уж... читай, давно я стихов не слышала.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с духом, но я решилась, и, уперев глаза в стекло, начала читать:

Полюби меня просто так...
За глаза, что почти не плачут,
За тепло, что хранится в руках,
За удачу... и за неудачу,
Полюби меня всем назло...¹

Я произносила слова стихотворения, а у самой перед глазами вставали картинки наших отношений с Амиром, вот уж бед с ненастями по полной программе борьбы со всем миром. И очередной раз на меня рухнуло сомнение – как такая как я может требовать любви от такого как Амир, просто любить меня как небо и цветы?

Когда я прошептала последние слова, Фиса вдруг встала, потом опять села рядом со мной, обняла:

– Ах ты... вот ведь как... солнышко ты наше...
– Это не про меня... я всё плачу и плачу... про меня другое есть. Хочешь, прочту?

Фиса насторожилась от моего спокойного тона, но кивнула – читай. Я вздохнула, утёрла слёзы ладошкой, это читать легче, и заговорила нудным голосом:

Не бойся... я люблю тебя не больно...
Не причиняя муки или зла...
Прошу простить за вольно и не вольно,
Пророненные сгоряча слова...²

И опять картинки моих истерик на пустом месте, какая уж прелесть тишины, какое приветливое молчание и шёпот луны? А уж с тем, что я весь привычный мир вождя порушила, придётся смириться и ему и мне. И сердце ему я разорвала, так что теперь это стихотворение уже не обо мне.

Фиса молчала и молчала, и я уже удивлённо смотрела на неё, чем же это стихотворение так её поразило, а она уткнулась взглядом в морскую даль и не двигалась.

– Фиса, о чём ты думаешь?

И только тогда она повернулась ко мне и взглянула прозрачными глазами с едва заметным серым зрачком. Её шепот был глухим, а губы почти не двигались:

– Как это... как мои мысли прочтала... так ведь и думала... никогда, чтоб не знал... не... всё надеялась, не скажу... смогу себя остановить... а вон как вышло.

– Фиса, Роберт счастлив, что ты, глупая! Зачем себя в любви останавливать, если он любит тебя! Любит!

Даже потрясла её за плечи, а она всё повторяла:

– Так ведь... всё так... чтобы не больно ему-то было... чтоб сердце ему не достать... мир чтоб его цвёл... я бы рядышком за него радовалась...

– Ты сейчас радуйся! Ты любишь его, он тебя любит, вы счастливы! Не смей вспоминать свои страхи, слышишь, не смей!

И я громко запела какую-то её песню, которая заговор, не совсем понимая слова, но она была весёлой в мелодии, и показалась мне в тему. Фиса, наконец, успокоилась, покачала головой и запела сама сильным и уверенным голосом.

Ночью, вспоминая этот удивительный день, я поняла – всё в прошлом, есть только настоящее. Не зря вспомнились эти стихи, они смыли слезами прошлое отчаяние и дали надежду

---

¹ Галина Ахматова 2009 г.

² Галина Ахматова 2009 г.

на настоящее, а каким оно будет, зависит от нас с Амиром. Когда нет надежды на будущее, надо сделать настоящее таким, чтобы оно это будущее вместило в себя, все мечты и чаяния.

Походив по комнате, я встала у окна и долго смотрела в темноту, лишь изредка освещаемую отблесками луны на воде. Странный день, стихи вспоминаются постоянно, мне кажется, что я не знала их в таком количестве, вообще во взрослом состоянии специально их не запоминала, а строчки всё проявлялись и проявлялись. Одно я даже проговорила вслух:

Надежда – чувство приблизительное,
Но страх всегда бьёт в сердце точно.
Бояться жизни унизительно,
Спасает только вера в прочное.
Спасает душу только искренность,
Без отступлений... и без «НО»
А полу правда... полу истина,
Как забродившее от лжи вино.³

Мне стало грустно, я требую от Амира искренности, а сама всё время его обвиняю и не даю ему возможности откровенно поговорить о себе. Мой собственный страх мешает мне слышать Амира. Хорошо сказано в стихотворении, правильно – я боюсь жизни. Всеми правдами и неправдами я бегу от Амира, говорю, что люблю его, а сама продолжаю бежать и этим своим побегом усиливаю страх, тот страх, который в нём уже есть. Что он не справится со своей силой, что он недостоин моей любви и ещё много страхов, которые я своим поведением в нём создала.

– Полуночицаешь?

Фиса была на страже, она подошла ко мне и спросила:

– Думу думаешь?

– Думаю.

Тяжело вздохнув, я задала вопрос, который давно меня мучил:

– Мне совсем мало осталось?

Ведьма сразу поняла, о чём я спрашиваю, опустила голову и честно ответила:

– Никто не знает... от вас всё зависит.

– От нас...

– Рина, вождь давно ищет способ...

– Вождь?

Она подняла голову и удивлённо взглянула на меня:

– Неужто не поняла? Да с первого дня задание дал... совет со всеми держал, кто... Рина, как в голове прояснение наступало, так и разговор только об том, как бы ты жила дольше, да весь клан на тебя работает, энергии все округ тебя так и выются.

Фиса укоризненно вздохнула и даже руками взмахнула:

– Да неужто ты бы вынесла... боевикам... ладно, знай уж всё, кровь другую привозят... у них энергия от этого меняется, клан выжил, какая надобна.

Я решительно притянула её за руку и села на пол:

– Говори.

Но она долго качала головой, прежде чем начала говорить, а я продолжила настаивать:

– Фиса, Амир мне всё равно ничего не скажет, хоть от тебя что-нибудь узнаю. Как я ему смогу помочь, если ничего не понимаю.

---

³ Галина Ахматова 2009 г.

И она преодолела свои сомнения, видимо время пришло мне хоть что-нибудь узнать о том, как меня спасал Амир.

– Рина... он себе поклялся... вождь... что ты жива останешься...

– Королеве.

– Нет, себе... словом вождя. Каждый день эту клятву повторяет.

Сжала губы и посмотрела на меня пронзительным взглядом ведьмы:

– Договор у меня с ним, коли что с тобой случится...

– Фиса!

– ...я месть свою совершу.

– Что... как это...

И всплыла картинка, как Фиса висит перед ним в воздухе, и они о чём-то говорят, а потом он ушёл.

– Он тогда... ты на Круг за казнь... вы тогда договорились.

– Тогда. Повязал он меня... словом повязал... клятвой ведьмы. А сам свободу дал... моё слово равное для всех, ежели тебя касается.

Усмехнулась и взяла меня за руку:

– А вон как вышло... любит ирод... так любит... сразу полюбил... как увидел ясные глаза, как ты глянула на него, да страха никакого не показала. Никого за то время не убил, врагов щадил, которые смерти достойны. Всё за те глаза, да слово твоё. Я глядела на него... ирод, всю жизнь искала, мезтью жизнь сожгла, а он род наш не погубил за жизнь дочери своей да своего народа. Рина, душу ты ему перевернула, да с дочерью как мать... как же он жизнь твою минуточками беречь не будет?

И вдруг тихо засмеялась, ручкой махнула, взглянула хитрым взглядом.

– Фиса, говори!

– Чего уж... Родя сказал...

И опять хитрый взгляд и тихий хихик в кулачок.

– Фиса!

Она прикрылась ручкой и откровенно засмеялась. Мне пришлось толкнуть её в плечо, и только тогда она рассказала об откровенном признании Роберта:

– Вождь ему приказывал... мол следи, но не смотри... а как это совершить?

– Не поняла...

– Они же вас сопровождали, Родя или Вито, ну а вождь тогда только тело твоё белое, да кожу бархатную... удержу ему не было, всё бы коснуться. Вот и приказ такой давал, коли что... знать, но глазом ни-ни.

Ну да, было такое. Он меня касался, изучал тело белое, у озера раздевал после жареного мяса... ага, значит, Роберт нас сопровождал, должен был в случае чего меня спасти от него же, но при этом взглянуть на моё тело не мог. Сложный приказ. А Фиса продолжала веселиться надо мной:

– Когда тебе плохо было, всяко приходилось, так вождь опосля их жизни учил, что видели... так готовы были глаза вырвать, мол видеть не видели тебя, знать не знают, а уж вождь-то умеет убедить!

И так кулачком махнула, что я вздрогнула, неужели на молекулы разбирает от ревности своих же? А Фиса окинула меня скептическим взглядом и изрекла:

– Я Родю тоже пытала, а он глазками повёл, звёздочки на небе посчитал, да извернулся, мол и не помню ничего... отшибло.

Тут уже я захохотала, и Фиса Роберта ревностью извела, тяжело же у вождя в услужении быть при такой жене. Успокоившись, я укоризненно спросила у Фисы:

– Неужели ты его действительно ко мне ревновала?

– А как ты думаешь? Как увижу у камеры, так он только на нас и смотрит, уже опосля сам признался... меня выглядывал.

Фиса смущённо опустила глаза, а я обняла её:

– Родя любит тебя, только тебя. Бедный, ему от вождя доставалось, а потом ещё ты, он же скоро ненавидеть меня будет...

– Умом тронулась! Ты для него... ты...

– Фиса! Я для него жена вождя, из этого и будем исходить.

– Куда?

– Что куда?

– Идти-то куда будем?

И такой взгляд изобразила, что я ничего не смогла сказать.

– Родя однажды сказал... как увидел глаза Амира... он на тебя смотрел, жажда изводила, аж сам себе руки ломал, а смотрит на тебя и улыбается.

Она замолчала и коснулась моей руки, погладила робким движением, и только потом продолжила:

– Тогда, говорит, и поверил, что и ему черёд может прийти... душой познать, как это ироду счастье такое может случиться... из злобы да силы безмерной в любовь да ласку.

– Фиса... это вождь...

– А вождя-то кто заставил в это поверить? Кто словом не попрекнул за муки да страдания?

И неожиданно вернулась к сроку моей жизни:

– Неужто способ не изыщут минуточки твои растянуть? Не токмо вождь, ты вот боевиков-то и не знаешь, разве этих... великолепных, да и то не всех, а я глаза их видела, когда ты в гору-то ползла... людское это было, людское. Стояли строем, готовы были гору эту выровнять, только б ножки твои не топтались, да ручки не царапались.

Опять сверкнула смешинкой в глазах:

– Покудова вождь не возвернулся.

– Фиса, Амир себе руки ломал?

– А как... кто ж его окромя самого-то остановить сможет? Рина... ты об этом мысли не держи, ирод он, боли ему нету... токмо твоя, так она страшнее будет, чем самому-то...

– Амир ребенком много боли...

– Так то уж и не помнит.

– Помнит.

Передо мной возникла картинка из сна: маленький Амир, которого раз за разом бьют копьём. И страшный хриплый смех ирода, он помнит свою боль.

– Потому и смотрел, каково тебе было... знает цену.

– И теперь Амир всегда будет об этом думать... моя боль не позволит ему любить меня. Моя боль и моя кровь. Безнадёжно.

Я встала и улеглась на постель, с головой прикрылась одеялом. Фиса пристроилась рядом, погладила меня ладошкой.

– Ты жди его, лебедушка, жди, возвернётся, смотришь и наладится.

Но первым вернулся Вито. Мы с Фисой делали вид, что завтракаем, Фред стоял у стола и грустно наблюдал за этим зрелищем.

– Рина, тебе обязательно надо завтракать.

– Надо.

– Фиса, ты уже не ешь второй день.

– Мне и отвара хватит.

– Фред, я им вкусность привез. От этого они не откажутся!

– Вито!

Улыбающийся Вито преклонил передо мной колени и торжественно преподнёс большую корзинку с клубникой.

– Жена вождя, этот дар тебе передаёт вождь.

– Вито... какая красота... откуда зимой клубника...

Он хитро взглянул на Фису:

– Так ради тебя взошла на горах дальних!

Фиса не обратила внимания на его слова, шёпотом спросила:

– Витёк, а остальные...

– Родя сопровождает Амира, скоро и они будут. Меня вперёд с даром послали, подсластить ожидание.

Но что-то в его глазах меня насторожило, и я спросила:

– Поэтому такая большая корзина? Чтобы на все дни хватило? А потом Роберт ещё одну корзину привезет?

Так как я не взяла из корзины ни одной ягодки, Вито поставил её на стол.

– Рина, мелочи остались...

– И этими мелочами только вождь и должен заниматься?

Он усмехнулся, покачал головой, но поднял на меня светлый весёлый взгляд:

– Так люди же, они только с руководством и согласны документы подписывать.

– Вы подписываете документы? Серьёзно? На бумаге подписи... а вождь как подписывается... просто имя ставит?

– Кровью.

Ответ неожиданно жёсткий и откровенный. И взгляд соответствующий, перед нами встал ирод во всю свою мощь. Тот Вито, которого я на самом деле не знаю, тот, который кланы и сила, и глаза, которые уже никогда не забуду.

– Некоторые дела только Амир может закончить.

Я кивнула и взяла клубничку, быстро затолкала её в рот, не следует женщине мужскими делами интересоваться. Вождь вернётся, когда вернётся. Но Фиса есть Фиса, и понятное дело, её не вождь интересовал, а Родя:

– А с кем разговор последний? Неужто кто из людей сподобился с Амиром разговор вести?

Скалистость Вито несколько убавилась, но взгляд остался таким же жёстким и пронзительным.

– Сподобился, Фиса, остатки сил собрал и сподобился. Мне, говорит, только Амир и нужен, остальных прощаю.

– А зачем... зачем ему Амир нужен? Это тот... с установками?

– Он. Амир ему нужен кровь обновить. Свою.

– Свою? Но он же человек, зачем, он хочет стать иродом?

– Не просто иродом, Великим и Ужасным.

Я сразу вспомнила свой рассказ о Гудвине и Изумрудном городе, но не поняла аналогии, и решила уточнить:

– Вито, он хочет изменить весь мир?

– Хочет. И меняет.

– Как... меняет? Уже?

– Он создает уникальных роботов, невероятные установки, практически разумные, которые реагируют на определенную энергию. Энергию людей и нелюдей.

Вито резко повернулся к Фисе и шутливо поклонился:

– И ведьм.

– Но его установка спасла меня...

– Спасла. Олаф её немного усовершенствовал по приказу Амира, переключатели пере- ставил, кое-что выбросил, проводков добавил, и она заработала в нужном для тебя режиме. А ты у нас девушка оригинальная, потоки энергии чувствуешь, как ...дуновение ветра... и вот результат – уже настоящая красавица.

– Роберт ещё что-то предлагал...

– Ну, Родя известный...

Хитрый взгляд в сторону Фисы, она теперь перед ним за все действия Роберта отвечает.

– ...рационализатор. Присоединил к установке пару мутантов, они заставили её рабо- тать, как... как биоконструкцию. Немножко робот, немножко мутант. Оригинальное зрелище. Кстати, там ваш знакомый всем командует, с хохолком.

– Андрей?!

– Важный стал, почти не кукарекает.

Мы с Фисой переглянулись, и я догадалась, что она тоже не в курсе, как вождь решил меня спасти установками. По крайней мере, этих подробностей она точно не знала. Я пере- вела взгляд на Вито. Он изменился, стал другим, жёстче и откровеннее, дело даже не в расска- занной информации. Что-то появилось в глазах такое, что роднит его с Амиром. Война. Вито прошёл настоящую войну, не мелкие разборки под командованием вождя, а настоящую войну, в которой он продолжает защищать самое дорогое, что появилось в его жизни – Мари.

– Вито, а где Мари? С ней всё хорошо?

– Да. Её местоположение знает только Амир.

– И ты не знаешь?

– Не знаю.

Опустил голову и неожиданно признался:

– Амир решил, что нас кто-то предал, поэтому никто ничего не знает о ней. Фиса сразу заволновалась:

– А кто с Машенькой? Вроде все здесь... Яся с Лёшей у Сонечки, Родя и ты с вождем...

Но Вито только покачал головой, он ничего не знает о своей любимой.

– А почто знаешь, что с Машенькой...

– Амир сказал. Он каждый день получает о ней информацию.

Очередная тайна вождя. Когда он сказал, что её уже увезли, я не обратила внимания на его слова, увезли и увезли, да и не очень ещё осознавала действительность. Оказалось, что даже Вито не знает – куда и с кем.

– А королева как же?

– Её успели спрятать, Глеб организовал защиту, но у них тоже сложная ситуация, напа- дения были неожиданными и сразу на всех.

– А дети?

– Их перевезли в новые места.

Вито медленно прошёлся по столовой, сел на диван и сложил нога на ногу. Я вздрогнула, и слёзы сразу навернулись на глаза – Амир, в нём теперь сознание Амира.

– Амир, я жду тебя.

– Я знаю.

– Возвращайся, делай свои дела и возвращайся.

– Ты хорошо выглядишь.

– У меня уже нормальный, естественный оттенок, смотри!

Я вытянула руки и помахала ими, а Вито улыбнулся напряженной улыбкой, глаза стали тоскливыми-тоскливыми. Подскочив, я кинулась к нему и схватила за руки:

– И волосы, они растут!

Руки Вито поднялись и погладили меня по голове.

– Растут.

– Я люблю тебя, Амир, я люблю тебя!

2

Всё шторм и шторм, хоть бы просвет в небесах образовался, хоть лучик какой солнечный. Тяжёлые тучи нависали над бушующим морем. Вчера бушевало, позавчера бушевало, и сегодня бушует. И завтра будет бушевать. Мысль появилась, и я уже точно знала, что шторм будет бушевать до полной победы Амира. Это иллюзия, а на самом деле наш дом закрывает скала. Поэтому только великолепные, правда, все. А может не все? Кто-то же охраняет Мари, прячет её в неведомых даях. Но вождь удивил, сказал Вито, что с Мари всё хорошо. Понял, что их чувства уже не изменить, осталось только принять и благословить. Ух, ты, что подумала. А почему нет? Он их должен как отец... не благословить, создать новый ритуал, как создал для нас.

Фиса всё о чём-то говорит с Вито, отправила меня отдыхать, а сама тут же к нему бежала. Привет Роберту передавать. Как я возмущалась, что Амир использует Вито в качестве посредника, а сейчас счастлива возможностью поговорить с ним, услышать его слова, почувствовать его руки, пусть и руками Вито.

В спальню влетела Фиса, глаза сумасшедшие, явно новости не в состоянии удержать. Я вскочила с постели:

– Фиса, что? Что случилось?

– Баба!

– Что баба?

– Так баба за всем стоит! Женщина!

Ноги сразу подкосились, и я рухнула на постель, а Фиса стала бегать кругами по спальне.

– Ты глянь, ты только глянь, Рина, до чего мир-то дошёл...

– Фиса, что за женщина?

– Вито с вождем по телефону говорил, ответил, мол, её покудова не привезли. Её, Рина – её!

– Может он о Мари...

– В аппарате! Её везут в аппарате! Олаф доставляет! И такое... такие глазищи Витёк ... я аж с перепугу под стол... никогда... она это, она!

– Сюда? Её везут сюда?

– Нет.

В дверях стоял Вито и глаза... права Фиса, эта неизвестная мне женщина тот самый враг, который собирался пленить Амира и нас всех. И королеву, и детей, тех, кто уже родился, и тех, кто может родиться. Вито встал передо мной гигантской скалой:

– Рина, Амир просил передать тебе, что он задерживается до завтра.

Я кивнула, и почему-то шёпотом спросила:

– Амир с ней будет встречаться?

– Нет, он поехал к Глебу.

– К королеве?

– Амир поехал обсудить некоторые проблемы с Глебом и его ближним кругом.

– Проблемы?

– Рина, Амир не будет встречаться с королевой.

Моя опущенная голова рассердила Фису:

– Ты, девка, мысли свои в узел завяжи, да узелком... очумела! Не до королев ему, токмо к тебе стремление! Ему бы всё за раз порешать, да бабу эту...

И так кулаком взмахнула, что Вито улыбнулся и кивнул:

– Об этом и будет разговор. Как с ней порешать. А королева далеко, очень далеко.

- Вито, я не ревную, я боюсь за него.
- А чего тепереча за вождя... закончилось всё.
- Не закончилось.

Это была даже не мысль, предмыслие, хотя такого слова нет ни в одном словаре, но именно так я определила для себя своё состояние. Мысли ещё не было, но что-то тревожило в душе, какое-то несформировавшееся ощущение.

Вито стремительно опустился передо мной на колени и схватил за руки:

- Рина, что? Что ты подумала?
- Я...я не знаю... что-то... может... кто-то другой... они его ждут...
- Кто? Рина, кто?

– Нет... я не знаю... она для этого сдалась! Вито! Она сдалась, вы её не поймали – она сама! А теперь Амира ждут!

Я даже не заметила, когда исчез Вито, закрыла руками лицо и продолжала шептать:

- Они его ждут... они его поймают...
  - Рина! Витёк уже побёг... ой ты, вот ведь как... солнышко... у-у-у, стерва...
- Жёсткие пальцы встряхнули меня за плечи:

– Рина, посмотри на меня! Я передал Амиру твои слова, он тебя видел, он готов! Он готов! И он не один! Рина!

Громкий голос Вито, наконец, вывел меня из состояния ужаса всего тела.

- Видел...
- Я показал ему тебя, сразу, как только понял, что ты что-то почувствовала.

Вито заметил мой осмысленный взгляд и облегчённо признался:

- С тобой говорил Амир.
- Амир... но ведь...
- Я подключился в его сознание.
- Витёк... да уж...

Фиса практически упала на постель и взмахнула руками, даже мозг ведьмы не успевает за изменениями, которые происходят с иродами.

- И давно так?

Усмешка иронично скривила губы Вито, но сегодня такой день получился, что ему приходится в чём-то признаваться, подумаешь, одним признанием больше, одним меньше. И опять хитрый взгляд в сторону Фисы:

- После твоих ведьм. Сали пыталась... но получилось не так, как она рассчитывала.
- Так энто ты её в казематы...
- В пещеру.
- У-у-у, стерва...

Пожалуй, у Фисы появилось слово, которое точнее всех остальных слов может определить её отношение к кому-либо. И почти приличное.

- Сали?

И Вито с полной мужской откровенностью выдал тайну:

- Она решила, что если ей не достался Амир, то и я схожусь.

Ничего себе младая невинная дева, я подняла на Фису глаза, а та только прошипела нечто, что произносить в моём присутствии уже совсем нельзя. На всякий случай я уточнила:

- Жива?
- Жива.

И такая улыбка ирода, что даже я поняла – Сали пожалела о своей попытке совратить Вито.

- После её ведьминых штук у меня с вождем наладилась двусторонняя связь.

Фиса решила сразу уточнить, как удалось Сали воздействовать на Вито:

– Каких таких штучек, несмышлёная совсем...

Взгляд Вито её остановил, и она вскочила:

– Да неужто... всё зараз...

– Всё. Сали в момент передачи энергии Рине воспользовалась силой ветра, который Амир, и вся её сила, всего рода...

– Ах ты...

Ведьма вскочила и превратилась в разгневанную фурию:

– Ишь что вздумала... Силу рода пустить на...

И такое произнесла, что Вито низко опустил голову и отвернулся от меня, он к этому выражению никакого отношения не имеет. Но Фиса нас уже не видела, носилась по спальне и закипала всё больше:

– Силу... которую весь род... да у вождя...

Вдруг резко остановилась перед Вито и чётко произнося слова спросила:

– У остальных дев тоже Силу забирала?

– Забирала. Поэтому Рине...

– Мне не было больно, совсем немного...

– Тебе Сила должна была пойти через дев, Сила, токмо она! А эта...

– Ведьма.

Вито остановил поток слов Фисы, и она согласно кивнула головой, не передо мной такое изрекать.

– Фиса, она использовала открывшиеся в ней силы как сумела. А получилось так, что я получил возможность связываться с Амиром в любой момент.

Гордый взгляд и хитрая улыбка. Вито никогда мне не скажет, как это получилось, что он победил силу уникальной в своём роде ведьмы, которая за мгновения осознала себя, и сразу воспользовалась открывшимися возможностями. Любовь, его спасла любовь к Мари.

– Рина, Сали уже никогда не причинит никому боли своими возможностями.

Взгляд Вито изменился, стал грустным, даже губы опустились в странной усмешке. И это сочувствие мне тоже защитило его от чар молодой ведьмы, он знал, за что её наказывает Амир. Получается, что моя боль помогла ему от неё защититься. И я попыталась успокоить эти грустные глаза:

– Вито, мне не так больно и было...

– А как ишо!

Фиса широко взмахнула руками и длинно вздохнула, чтобы не сказать ещё что-нибудь.

– Моя вина в том, моя, не разглядела эту...

– Ведьму.

Вито был на страже, и Фиса опять кивнула, а я воспользовалась заминкой и попыталась вставить своё слово:

– Фиса, ты же не можешь быть виновата в том, что придёт в голову подростку...

– Должна! Ведьма! Силы немереной ведьма!

– Вито с ней справился, Фиса, его любовь Мари бережёт, ему никто не страшен, никакая ведьма. Он от их силы сам только сильнее становится.

Фиса остановилась в своём беге и встала передо мной.

– Понимаешь... они любят друг друга, а любовь энергия, сильная энергия.

Я подняла глаза на Вито:

– Только ничего Мари об этой истории не рассказывай.

Он улыбнулся и кивнул, вот уж Мари точно эту историю рассказывать нельзя, незачем ей знать, как молодая ведьмочка пыталась совратить её любимого.

– И вообще, всё давно прошло, теперь я лысая, хотя и не такая синяя. Вито, а ты умеешь волосы скорее отращивать?

– Если только свои.

Открыв рот, я с изумлением наблюдала, как короткая стрижка Вито, почти в ноль, превратилась в длинную густую шевелюру, и очень скоро волосы легли ему на плечи.

– Ух ты... Вито... а у меня так...

– Ты человек.

Ослепительная улыбка свернулась, и он исчез, кто-то его позвал. Фиса вздохнула и села рядом со мной.

– Рина... хорошо ты о любви сказала... только она и может от ведьмино слова-то защитить... да боль твоя.

– Ну, тогда мне никто не страшен.

Фиса так странно посмотрела на меня, что я призналась:

– Я пройду всё... я выживу, вытерплю всё, ты не переживай.

– Чего надумала? Сразу говори, вождь возвратится, должен готов быть.

– Не знаю я ничего...

– Знаешь.

Взгляд Фисы стал похож на взгляд Вито, и я вздохнула – никуда не деться, придётся озвучить свои предмыслия.

– Что-то ждёт... странное ощущение... скорее бы волосы отрасли.

– А волосья помочь могут?

– Не знаю, может, просто надоело лысой ходить.

Но ведьма очень серьёзно отнеслась к моим ощущениям, и я целый день проходила с головой, намазанной невероятно дурно пахнущей мазью и замотанной в несколько слоёв холста. А перед сном долго рассматривала пушок, отросший на голове.

– Фиса, ты хоть скажи, мои волосы стали немного красивее? Не такие непокорные космы?

– Космы, они космы и есть. Характер твой через них ясен.

– Характер? А как характер может быть виден по волосам?

– А так, коль мягкий да тонкий, и характер таков, ласковый, а коли твёрдый да прямой, то уже ясно...

– Интересно, а мои волосы что обо мне говорят?

– Твои космы определению не подлежат. По тому, как растут как солома без пахоты.

Я отвернулась от неё, раз не подлежат, то и нечего рассматривать.

– Ты погоду обижаться-то...

Она ласково провела своей ручкой по моей голове.

– Волос твой как ты сама... никому не кланяется, токмо свой путь знает, растёт, как вздумает, никто ему не указ. Да и окрас особенный, никто на земле такого окраса не имеет... Рина!

Чуть не подпрыгнув от её вскрика, я схватилась за голову:

– Опять лысею?!

– Помягшел... волос помягшел... ласточка ты небесная, то любовь твоя волос меняет...

– Конечно... напугала меня... пушок, а не волос, а пух он мягонький.

Фиса ничего не ответила, искоса на меня посмотрела и куда-то заторопилась. Когда она ушла, я заподозрила неладное и рискнула подойти к зеркалу. С первого взгляда ничего странного в своих волосах я не заметила, пушок, как пушок. В купе с халатом и тапочками зрелище умопомрачительное, хорошо хоть синева прошла. Но внимательнее присмотревшись к волосам, я заметила, что у корней они потемнели, как будто я осветляла волосы, а потом они отрасли. У меня растут другие волосы, темнее и жёстче по структуре. И этот факт очень поразил Фису.

А утром я была поражена сама – за ночь волосы отрасли на несколько сантиметров. Проснувшись, я провела рукой по голове, и мои пальцы ощутили густую поросль. Сразу вскочив, кинулась к зеркалу.

– Красота.

Фиса стояла у двери, сложив руки на животе.

– Что это? Ты чем меня вчера намазала?

– Сами растут.

– Такое само за ночь вырасти не может.

Волосы стояли дыбом темным ореолом вокруг головы. Если бы хоть чуть волнились, то может и легли, а так они торчали в разные стороны тонкими проволочками. Я попыталась надеть на голову платок, но даже он не смог ничем помочь, волосы не поддавались никакому давлению. Отбросив платок, я в отчаянии воскликнула:

– Надо их отстричь!

– Умом тронулась, такая красота...

– Какая красота! Ужас! То лысое чудовище, а теперь ёжик, иголки в сторону...

– Денёк и нужен, косы отрастут...

– Фиса, какие косы, только синева не хватает, ужас, какой земля ещё не знала!

– Так я и говорю – неземная красота...

– Да такую меня только в космос и отправлять, к звёздам поближе...

– Звезда к звезде.

– Фиса, носи ножницы, я в таком виде перед вождём не появлюсь, слышишь, лысую видел, уже не испугается...

– Мне нравится.

В дверях стоял Амир. Прикрыв голову руками, я даже присела от неожиданности, Фиса исчезла.

– Рина...

– Не смотри на меня!

Я отскочила к постели, улеглась на неё и прикрылась одеялом.

– Рина...

– Амир, не смотри на меня... такой кошмар...

– Мне нравится.

Выглянув из-под одеяла, я увидела смеющиеся голубые глаза и счастливую улыбку.

– Ты красавица...

– Неземная, нету больше таких... ужас...

– Неземная.

И только в этот момент я полностью осознала, что он вернулся, что это он – Амир, вскочила с постели, но подбежать к нему не успела, он подхватил меня на руки:

– Ты вернулся, ты жив...

– Рина, я жив... ты прекрасна...

Поцелуи время от времени мешали ему говорить какая я прекрасная и удивительная. То он не удерживался и начинал меня целовать, или сама я на полуслове прерывала его, прижималась всем телом и закрывала ему рот своими губами. Наконец он ощутил, что мои губы уже опухают, героически оторвался от меня и прошептал:

– Тебе пора завтракать... ты ещё не ела ничего...

– Пора...

Только оказавшись в столовой, я вспомнила о своей необычной причёске. Вито, сидевший на диване и беседовавший с Фисой, попытался сделать вид, что всё прекрасно, но изумлённые глаза его выдавали.

– Вито, не смотри на меня, я их обстригу, лучше лысая буду ходить.

Амир усадил меня на стул и высказал своё мнение:

– Мне нравятся твои волосы, они удивительные, как ты... Рина, прости, мы скоро вернёмся.

Что-то сказал Вито, и они исчезли. А я испуганно спросила Фису:

– Куда они... Фиса... он уедет, да? Он не совсем вернулся...

– Совсем, милая, совсем, токмо дел-то ишо много.

– А Роберт?

– Тута...

Но глаза стали тоскливыми, и я поняла, что она его толком ещё не видела.

– Торопился вождь, тебя видеть стремился, дела бросил, отсюдова командовать будет.

И я поняла: мои потемневшие, стремительно выросшие волосы – вот что заставило Амира бросить все дела и явиться самому меня спасать неизвестно от чего.

– Волосы... ты ему сказала.

– А как ты мыслишь? С тобой же... да и чувствуешь сама...

Но в этот момент в столовую вошёл Роберт и она замолчала. Он видел её ещё за стеной, таков был взгляд. Но всё же сначала преклонил передо мной колени, а я замахала рукой:

– Иди к ней, Роберт, иди к Фисе, а я погуляю.

Амир появился в круглой комнате, и сразу обнял меня:

– Ты поела?

– Да.

Мы смотрели на сверкающее всеми цветами море и молчали. Амир касался щекой моих отросших в разные стороны волос.

– Амир... ещё не закончилось?

– Нет.

– Я... со мной всё будет хорошо, ты занимайся делами... ничего не случится.

– Не случится.

– А Мари? Где она?

– Она в надёжном месте. Я только что говорил с ней.

Усмешку я почувствовала волосами, такое лёгкое движение губ.

– Никто из ближнего круга не пострадал.

– Амир, а это правда, что за всем стоит женщина?

– Ты сама сказала, что она специально сдалась.

– Это так и есть? Я думала... даже не думала, странное ощущение...

– Ты всё почувствовала правильно. Она специально сдалась мне... ты права, она подстроила так, как будто её поймали.

– А он... ведь это он?

– Он.

– Ты должен был встретиться с Глебом, и он тебя ждал.

– Ждал.

– Ты поймал его?

– Нет.

Я подняла глаза на Амира и увидела ясный голубой взгляд абсолютного счастья. Когда он рядом со мной – то счастье, полное счастье, и всякие непойманые никакого значения не имеют. Он его поймает, обязательно поймает и накажет, совершит свои воинские дела, но главное – я.

– Рина, я его поймаю.

– Я знаю.

И такая радостная улыбка, сверкающий счастьем взгляд. Он тосковал без меня: занимался разными делами, отдавал приказы, сам действовал, говорил что-то и тосковал. Только

сейчас, обнимая меня и прижимаясь к моим невероятным волосам, он счастлив и спокоен. Это спокойствие после огромного напряжения всех сил, когда есть только задача, а мирная жизнь отодвинута в самый дальний уголок сердца, глубоко спрятана и лишь иногда, в редкие минуты ей позволялось выглядывать и напоминать о себе. И теперь, когда снова дома, рядом со мной, Амир спокоен, он всё сделает, ему легче, когда он видит меня, ощущает присутствие, касается.

– Я привез тебе халатик.

– Что?

– Халат.

Невинный взгляд и едва сдерживаемая улыбка. Видел и запомнил, теперь показывает мне, что у него всегда есть возможность прикупить мне халатик, война не помеха. Мы переместились в спальню мгновенно, и я ахнула – и когда успели, вся спальня была в цветах.

– Амир...

– И цветочки не забыл.

Самые разнообразные цветы стояли в вазах и вазочках, вдоль стен, у постели, а рядом с окном просто лежали, рассыпанные по полу. Амир отпустил меня с рук, и я осторожно прошлась по спальне.

– Какая красота... Амир...

– Красота – это ты.

Амир поцеловал мне руку и тихо произнёс:

– Ты здесь в безопасности.

– Я не боюсь...

– Я никуда не уеду.

– Амир, со мной всё будет...

– Я никуда не уеду.

Серьёзный взгляд потемневших глаз подтвердил решимость не оставлять меня одну, ведь без него я одна.

– Я ждала тебя... прости, я ...так плохо без тебя... только ты не думай, я тебя не удерживаю, ты воин и не можешь... я буду ждать, просто ждать... как жена.

– Я твой муж и не оставлю тебя одну.

И сразу улыбка, смешинка в глазах.

– Халатик померяешь?

– Конечно!

Амир открыл гардеробную и показал на большую коробку:

– Переодевайся.

Интересно, где такие халатики вожди находят в перерывах между боями? И Фисы не было, чтобы оценить. Тонкая парча: мягкая и нежная, вся расшитая тончайшей золотой нитью невероятными узорами растительного орнамента. Рукав от локтя разделялся на отдельные половинки и по краям был украшен маленькими золотыми кружочками. Декольте, мягко говоря, низковато, почти до двух пуговиц на поясе. Полы халата расходились значительно выше коленок стоя, а садиться так вообще нельзя. Но это было ещё не всё, рассматривая рукав, я заметила, что ткань полупрозрачная, в местах прикосновения к телу практически прозрачная, несмотря на то, что вся расшита золотом. То есть многоцветная золотистая обнажённость. Красота невероятная вкупе с моей прической.

Я мечта. Мне понадобилась вся моя решимость, чтобы выйти к Амиру. Никакая обувь не подходила к этому халату, и я сняла тапочки, пойду босиком. Он стоял у самой двери, заведя руки за спину, как только я вышла, сразу подхватил на руки и поцеловал.

– Рина... самая прекрасная женщина... единственная моя...

Амир мечтал обо мне такой, в таком халате и босиком, в его руках и страстном поцелуе.

Мне не было больно, но я вздрогнула, и Амир сразу выпустил меня из рук, посадил на постель и отошёл к окну. Пытаясь свести полы халата дрожащими пальцами, я прошептала:

– Я не боюсь тебя... прости...

Амир оказался у моих ног и посмотрел сиянием, которое ослепило меня:

– Рина... мечта... не важно, когда она сбудется... она есть, и она – это ты...

И тут же вскочил, сияние исчезло, проявился жёсткий прищур потемневших глаз, но рука, которой он коснулся моего обнажённого колена, была горячей.

– Отдыхай.

Мгновение, и я осталась одна среди великолепия цветов, прозрачности халата и бушующего моря за окном.

Когда пришла Фиса, халат был тщательно уложен в коробку, волосы закрыты платком, а цветы своим ароматом заполнили всю комнату. Я сидела, забившись в угол и уткнувшись невидящим взглядом в окно.

– Лебёдушка, да что с тобой?

– Всё хорошо... Фиса, вот видишь, вождь и цветы не забыл, и халатик привёз.

– Рина... вождь ведь... там штаб, Родя тоже там, слово не успел, как испарился. Мы бабы с тобой... нам токмо ждать, покуда мужики...

– Фиса, проводи меня в кабинет Амира.

– Ты чего это надумала-то, неча тебе там делать...

– Фиса, я знаю, где он.

– Кто?

– Он. Веди.

Фиса семенила за мной, но вопросов уже не задавала. Я шла и только повторяла про себя: надо успеть, пока я чувствую эту волну, надо успеть. Это было мгновенным предощущением, когда Амир коснулся своими горячими пальцами моей коленки. Такая странная волна, которая прошла через Амира и тоненьким кончиком задела меня. Непонятным образом мой организм ухватился за неё, и я чувствовала эту горячую точку всё время пока сидела, потом складывала халат, завязывала платок на голове. Всё сложилось во время сидения в углу – это Он, тот самый Он, который ищет Амира. Энергетический поток, какой-то способ поиска, который я не понимаю, но чувствую. Я решила, что в момент поцелуя Амир вспыхнул своей энергией и открылся, не знаю, может быть всё и не так, но именно после поцелуя этот Он обнаружил Амира. А я почувствовала эту волну, чужую волну.

– Рина, что случилось?

Амир оказался передо мной, и я быстро прошептала:

– Мне экран с картой, местностью, помоги, я его чувствую, покажу...

Он не раздумывал ни мгновения, подхватил на руки, и мы оказались в его кабинете. Под изумлёнными взглядами Вито и Роберта Амир поставил меня перед экранами и скомандовал:

– Вся площадь обзора.

Экраны замелькали, но почти сразу на них появились карты, обычные географические карты, и я медленно пошла вдоль стены. Я старалась не задумываться, каким образом с помощью своей коленки обнаружу на карте местоположение этого Его.

Всё решил мой палец. Я уже почти не чувствовала никакого пятна на коленке, никакой волны, просто раз за разом проходила мимо экранов, даже не всматриваясь в изображения. И вдруг тело вспыхнуло, я закричала от боли, но успела ткнуть пальцем в экран.

Я пришла в сознание от энергии Вито, он держал меня за руки и накачивал энергией. Оказалось, что меня посадили в командирское кресло, и Фиса суетилась рядом, прикладывая какие-то травки ко лбу.

– Солнышко, девонька, Витёк, хватит, красная больно стала...

– Это ожог. Рина, как ты?

– Я... горячо... нашла?

Вито только кивнул в сторону, и я повела глазами вокруг. Амир стоял перед экранами, сложив руки на груди, и раздавал приказы. Роберт говорил сразу по трем телефонам тем же тоном, но заметив мой взгляд, ослепительно улыбнулся и подмигнул.

– Тебе здесь не место, женщина.

Голос Олафа был не менее строг, но на руки взял очень бережно. В этот момент Амир обернулся на меня, я попыталась махнуть ему рукой, но получился только шёпот:

– У меня всё хорошо.

Амир кивнул Олафу, и мы оказались в спальне. Такого Олафа я тоже не знаю: он одним движением скинул с меня одежду, окинул тёмным взглядом, произнёс длинный шипящий звук, и в спальне появилось нечто. Пока я рассматривала столбик с лысой головой и каким-то шлейфом вместо рук, Олаф ощупал моё тело, перевернул на живот, провел пальцами по спине и ногам. Тем же строгим тоном предупредил:

– Рина, будет больно.

– Я потерплю...

Бороться с его жёсткими руками было бесполезно, да и тело опять начало полыхать. Столбик, качаясь из стороны в сторону, подошёл ко мне, накрыл своим голубоватым шлейфом, и я закричала от боли.

Фиса залечивала ожоги и вздыхала:

– Тело белое, нежное... кожа бархат, терпи, милая, терпи... чуточку малую осталось, мазну легонечко...

Амир стоял рядом и смотрел на это действие большими глазами. Каждый раз, когда я морщилась от боли, он опускал глаза, и по его лицу проходила гримаса, как будто ему тоже больно.

Это была защита энергетического потока, так сказал Амир. Когда робот ищет объект, он направляет энергетический луч, и чтобы не вычислили его местоположение, самого робота, этот луч имеет защиту в виде другой энергии. Я не всё поняла из объяснения, что со мной произошло, кроме того, что я, несмотря на эту защиту, всё-таки обнаружила этого триклятого робота, хотя и получила ответный удар. Амир тоже почувствовал поисковый луч, поэтому и подскочил, но коснувшись моей колени, передал мне часть этой энергии. А потом началось непонятное: я не должна была эту энергию сохранить в себе, она была направлена конкретно на Амира, но мой организм оказался мудрее – запомнил её и вычислил направление луча. Больше всего времени понадобилось на осознание того, что со мной происходит.

Самое удивительное в этой истории то, что я, ничего не понимая в картах, точно указала место, где находился робот. А остальное уже было делом техники, то есть боевиков и мутантов. Амир никого из ближнего круга не направил туда, все остались дома, даже великолепные. На мой вопросительный взгляд ответил коротко:

– Самое главное – твоя безопасность.

– А твоя?

Усмешка была чуть смущённой, но ответ последовал в соответствии:

– Рядом с тобой меня никто не сможет обидеть.

Фиса даже рот открыла от удивления, вот это вождь, вот это сказанул. А сам вождь хитро улыбнулся и исчез. Я хохотала и хохотала – кто кого защищает, страшный ирод меня, или я его от людей. А всему виной халатик, который Амир прикупил, пока воевал. Всего-то страстный поцелуй и единая энергия любви, которая схватила за хвост этот луч, удержала его и через мой пальчик показала место, где находилось бездушное механическое существо. И теперь Амир найдёт того, кто создал этот механизм, чтобы убить нашу любовь.

Амир пригласил нас с Фисой в свой кабинет. Приглашение было официальным в присутствии Роберта и Вито. Они пришли втроём и заполнили собой всё пространство моей спальни. Именно в такие моменты я замечаю, какие они всё-таки большие. Я уже хорошо себя чувствовала, Фиса вылечила мои ожоги быстро, но Амир приказным тоном заявил, что я должна ещё несколько дней полежать, и мы догадались – не все дела переделаны. А сегодня они заявили, и вождь пригласил нас в свой кабинет:

– Рина, Анфиса, я приглашаю вас посмотреть некоторые материалы.

Амир опустил голову, а Вито и Роберт вытянулись, как приготовились к какому-то действию. Через мгновение вождь продолжил с некоторой ноткой сомнения в голосе:

– И кое с кем познакомить.

У меня появилось ощущение, что Роберт с этим знакомством не согласен, но вождь приказал, деваться некуда. И Вито голову опустил, значит, и он бы нас с этим неизвестным знакомить не стал. На всякий случай я уточнила:

– Мне как-то надо одеться?

– Нет, можешь идти, как хочешь, ты у себя дома.

И сразу исчезли. Я посмотрела на Фису, она тоже оказалась не готова, только покачала головой и пожала плечами.

– Роберт тебе ничего не говорил?

– Нет, он занят всё время, мы почти не виделись.

У двери в гардеробную я задумалась, во что одеться? Мои странные волосы ещё отросли, и я превратилась в одуванчик, только у него ножка тоньше мой талии, а так очень похоже – космы в разные стороны. Никакие ухищрения Фисы не помогали, они сами по себе тянулись ввысь.

– А мне-то зачем?

Фиса забыла все свои этнографические слова и заговорила нормальным языком.

– Ты главный советник жены вождя, без тебя никак. Поменяй фартук.

Она хмыкнула и ушла. Когда я выбрала строгое зелёное платье и уже крутилась перед зеркалом, пытаюсь хоть что-то сделать со своими волосами, в спальню вернулась другая Фиса.

– Вот это да... уважаемая Анфиса, как Вас по батюшке...

– Да кто ж знает, может цари какие...

Тёмный синий костюм и белая рубашка с воланами превратили саму Фису как минимум в министра. И волосы в такую причёску собраны, что я только вздохнула.

– Я тебе ленту принесла, попробуй.

Зелёная атласная лента оказалась кстати, и по цвету к платью подходила, она хоть немного пригладила волосы, и они не лезли в лицо. Получилась смешная шапочка из волос разного цвета – по концам светлые, а у головы тёмные.

Так мы и появились в дверях кабинета Амира. Он сразу подошёл ко мне и взял за руку, провёл к креслу. Всё пространство перед экранами занимал высокий куб, накрытый тёмной тканью. С двух сторон стояли Вито и Роберт.

Амир помог мне сесть в кресло и показал Фисе на стул рядом, она кивнула и устроилась за моей спиной.

– Я туточки посижу.

Видимо Амир дал какой-то знак, потому что Вито быстрым движением снял ткань с куба и у нас с Фисой вырвался произвольный вздох – внутри куба со стеклянными стенами на металлическом стуле с проводками сидела женщина. Она сощурилась, изящным жестом прикрыла глаза узкой ладонью. Её белый костюм был запачкан бурыми пятнами и кое-где порван, но даже в таком виде она была удивительно красива. Идеальная фигура, длинные ноги скрещены именно так, чтобы подчеркнуть их красоту в короткой юбке, а высокая грудь

почти обнажена из-за отсутствия верхних пуговиц жакета. Но при этом тёмные волосы лежали на плечах, как только что причёсанные в каком-нибудь французском салоне. Когда она опустила руку, я увидела её глаза: большие тёмные глаза с поволокой, мечта мужчин всех веков. Чувственные губы и прямой нос, признак аристократических кровей. И она человек.

Амир не отпускал моей руки, и когда я с трудом отвела глаза от женщины в кубе, заговорил спокойным ровным голосом:

– Рина, перед тобой Жаклин Готье...

– Она мать Селин?

Мысль возникла совершенно неожиданно, я и Селин видела всего ничего, а вдруг сразу представила её лицо. Амир удивлённо обернулся ко мне:

– Да... ты её помнишь?

– Совсем немного... они похожи.

Жаклин перевела на меня взгляд и сказала низким глухим голосом:

– Для человека у тебя хорошая память.

– Всякая. Зачем ты всё это совершила? Ты же человек.

Я попыталась встать и подойти к ней, но Амир положил ладонь мне на плечо и ощутимо надавил, пришлось сидеть. Жаклин хрипло засмеялась, красиво откинув голову:

– Странная женщина... Селин говорила мне, что ты странная, непонятная... Амир, ты как всегда поражаешь.

Она медленно поднялась со стула, величаво подошла к стеклу, едва слышно провела ногтем по поверхности. От её взгляда я вдавилась в кресло, столько в нём было ненависти.

– Рина... жена Амира... жена... ты знаешь, кто он?

– Знаю.

Мне с трудом удалось удержать голос, но я остановила Амира, когда он продолжил:

– Жаклин...

– Амир, пусть говорит, я хочу знать её мысли, почему...

– Почему?! Ты хочешь знать – почему?

Жаклин резко замолчала после своего выкрика, и я вдруг поняла – она действительно аристократка в каком-то поколении, голубая кровь.

– Жаклин, я оскорбляю тебя своим крестьянским происхождением? Такие, как я, не могут быть жёнами вождей? Но ты же знаешь, я всего лишь энергетическая...

– Ты стала женой! Ты... отребье человеческое... и Великий Вождь, единственный потомок Великого народа рядом с тобой... ты...ты... я говорила Селин, надо было уничтожить тебя раньше, но она слаба...

– Зачем тебе Амир?

Я успокоилась, её взгляд больше не действовал на меня. Может быть, энергия Амира мне помогла, а может сама очередной раз убедилась, что за всеми ужасными поступками стоит банальная зависть или страх. Жаклин не ответила, тяжело дыша, отвернулась от меня, и заговорил Амир:

– Ты умоляла меня принять Селин в свой клан...

– Селин единственная в своем роде! Она уникальное создание! Потомок великих королей.

– Ты специально обратила её, чтобы она попала ко мне.

– Да! Только так я могла обратить на неё твое внимание, но ты сделал её обычным боевиком... её... она королева в нескольких поколениях...

Ирония в голосе вождя прозвучала слишком явно:

– А кем она могла стать?

– Твоей избранницей! Твоей настоящей женой!

Жаклин уже стучала кулачком по стеклу, но перед ней появился Роберт, и она отскочила, запнулась о стул и упала. За моей спиной послышался ехидный смешок, и голос Фисы изрек:

– Цаца какая выискалась, королевишна соломенная, ишь чо вздумала, девку свою в жены, самой небось...

И осеклась, а я опустила голову и усмехнулась, Фиса как всегда права – Жаклин сама хотела править миром вместе с Великим Вождем. Значит, он ей отказал, поэтому на сцене появилась Селин. А ведь я тогда что-то подумала о ней в самолете, что-то о том, что именно с ней и развлекался Амир в моё отсутствие.

– Жаклин, ты готова была отдать свою дочь в гарем?

Амир улыбался, рука на моем плече стала горячей, и пальцы нежно погладили округлость.

– У тебя нет гарема.

Роберт отошёл, и на стуле уже гордо восседала королева. А я почему-то вспомнила, как сидела здесь в халате и платочке, действительно, смешно смотрелось.

– Я могу продать твою дочь в гарем Салима.

– Продать?

– Она обычный боевик, хороший специалист, но не более. Салим дорого за неё заплатит.

И уже другим тоном приказал:

– Олаф, цену определи сам.

– Амир... ты не посмеешь... она королева...

Жаклин вскочила со стула, но не смогла сделать шаг, снова упала на него. Я оглянулась и увидела у двери улыбающегося Олафа.

– Вождь, позволь этой... слово изречь.

Амир опустил взгляд, удивлённо приподнял бровь, но кивнул – говори, ведьма. Фиса встала, по пути погладила меня по голове и спокойным шагом подошла к стеклу. Рядом с ней оказался Роберт, положил ей руку на плечо и гордо выпрямил спину. Я подняла глаза на Амира, позволит ли Роберту стоять рядом с Фисой, но он посмотрел на меня и улыбнулся:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

У меня вырвался облегчённый вздох, он всё уже решил для себя, показал нам это чудовище королевских кровей просто для того, чтобы мы знали – вот она, я её поймал.

Фиса долго рассматривала Жаклин, склоняя голову то вправо, то влево, как какое-то интересное существо, циркового уродца. Потом подняла глаза на Роберта и спросила:

– А тебя моё крестьянское происхождение не смущает?

– Нет, я тебя люблю. Как женщину.

Это был удар, Жаклин вскочила и визгливо закричала:

– Ведьма! Ты простая сельская ведьма!

– Ведьма. А Рина – Человек. Тебе это не понять, голубая кровь глаза застит, тебе бы корону таскать... да голова уже обломилась. Вождю не стойка для короны рядом нужна, а спутница достойная, кровью своей оплатившая, болью и страданием. Ты дочь свою уже продала... не вождь, сама ей судьбу выбрала.

И засмеялась тихим смехом, ручкой махнула, опять посмотрела на Роберта:

– Родя, крестьянки-то крепше королевишен, энта вон за железяки спряталась, сама небось и печки не истопит, да водицы из реки не донесет на коромыслище...

И уже другим голосом, страшным голосом ведьмы, медленно проговорила:

– ... а туда же – на кровь святую замахнулась... тебе и жизни-то мало дано, я ведьма, я знаю.

Жаклин вдруг успокоилась, положила ногу на ногу, гордо двинула плечиком и мстительно заявила:

– Он вас всех убьёт. Амир, тебе не уйти от него.

– Не уйти. Хочешь с ним поговорить?

Она не сразу осознала слова, повела головой, нахмурилась и только тогда спросила:

– Поговорить?

– Он здесь.

– Нашёл...

– Рина нашла.

Жаклин посмотрела на меня невидящим взглядом, а Фиса прошипела:

– Сила-то в кровушке истинной, ей синева королевская не нужна, она сама по себе... тебе не чета.

Роберт подхватил её на руки и вернулся к столу, посадил на стул и чмокнул в щёку. Амир проследил взглядом за ними, пожал плечами, но ничего не изрёк.

Когда в кабинет въехала стеклянная конструкция, я замерла – в ней находился человек без рук и ног, только тело и голова. Мужчина лет сорока, очень бледный, практически белый. На нём была только чёрная набедренная повязка, подчёркивающая худобу тела: никаких мышц, скелет, обтянутый пергаментной кожей, никогда не знавшей солнца. А на голове, вернее черепа, пучками росли тонкие бесцветные волосы, собранные на затылке в жиденький хвостик. Только маленькие и совершенно круглые глаза сверкали яркими чёрными бусинами, а может так они смотрелись на фоне широкого плоского носа. И он хотел стать Великим и Ужасным? Он и так ужасен, куда уж больше.

Непроизвольно я присмотрелась к обрубкам рук и заметила на белой коже красные полосы и странные проводки, торчавшие прямо из костей. Опустив взгляд по тому, что было телом, обнаружила концы таких же проводков, торчавших из-под ткани набедренной повязки. Схватив Амира за руку, шёпотом спросила:

– Он что... работа из себя сделал?

– Руки и ноги. Вито, запись.

На крайнем экране появилось изображение, и я ужаснулась – гигантский механизм с множеством механических рук и экраном вместо головы передвигался по скалистой поверхности на четырех ногах. Хотя это не ноги, странные палки на шарнирах, блестящий на солнце паук. Послышался вздох Фисы:

– Чудище-то какое... Змий железный...

– Паук.

Меня удивила тишина, и я посмотрела на Жаклин, зрелище ужаса в глазах и неприличная поза сползания со стула, откровенно говоря, порадовали меня. Вот вся аристократичность и исчезла, испарилась перед пониманием своего положения настоящей пленницы ирода. Всё-таки верила в то, что её главного союзника Амир не поймает, и она добьётся своего, поэтому так уверенно держала себя перед нами.

Изображение мелькнуло и появилось другое, потом третье, на которых были те самые устройства, специально созданные для того, чтобы поймать Амира. Такие странные аппараты, оцетинившиеся множеством проводов в разные стороны. На меня похоже, на мою прекрасную прическу.

Визгливый голос, который обратился ко мне, не мог быть голосом мужчины – старая бабка на рынке не поделила гуся:

– Рина, вот я тебя и увидел... Селин права... ты жена вождя.

– По прическе определил.

Я ответила жёстким тоном и сразу спросила:

– Чего ты на самом деле добивался? Ведь Жаклин тебе была нужна лишь из-за дочери – Селин, королевская кровь для тебя не имеет значения. Ты захотел стать самым Великим Иро-

дом? Силы захотел? Так у тебя было достаточно силы, куча механизмов... тебе было нужно настоящее тело... не этот обрубок.

Хриплый смех был ужасен, кваканье и всхлипы перемежались тонким звуком, похожим на свист. Амир погладил мне плечо, но я была спокойна. Всё действительно очень просто, зависть, только зависть управляла обоими – и Жаклин, и этим жутким образчиком технического гения. Они завидовали Амиру, его силе, власти, физическим возможностям. И мужской красоте.

– Как его зовут?

Взгляд Амира был светел, ярко голубел на фоне седины, только усмешка горько кривила губы. Он тоже понимал всю подноготную их поступков. Как же ему удивительна – с его пониманием роли Силы в жизни человека, родов, целых народов – эта мелкая причина, даже не причина... не могу найти слова, чтобы определить, в чём состоит цель, ради которой подверглись опасности столько жизней. И не только настоящих, но и будущих.

– Акира Каваками. Американец японского происхождения.

– Ты его в Америке нашёл?

– Нет, он уже двадцать лет живет в Германии. Это ты его нашла.

– Я же робота нашла...

– Этим роботом и был Акира, он присоединил к себе установку.

Амир поцеловал мне руку и подошёл к стеклянному кубу.

– Кстати, это было твоей ошибкой, именно твою энергию почувствовала Рина и указала местоположение. Я понял, что это ты сам.

– Рина... она стала сильна...

– Тебя это удивляет?

Никакой иронии в голосе, разговор двух джентльменов на прогулке.

– Нет. Я всегда понимал, что твоя сила – это она.

– Зачем напал на королеву?

– Рина должна остаться единственной императрицей... только она.

Воспользовавшись тем, что Амир не удерживал меня, я встала и подошла к нему, вслед за мной подскочила Фиса.

– Я? Тебе была нужна я? Зачем?

– Кровь Амира и ты. Его сила и твоя любовь.

Мой хохот прогремел по кабинету, и его тонко поддержала Фиса:

– Ну, ты и удумал...

Только Амир не понял моего смеха, положил руку на плечо, повернул меня от Акиро, но я остановила его и подошла к самому стеклу:

– Ты опоздал... навсегда опоздал, я не люблю металлические предметы в постели.

Наступила такая тишина, что казалось, никто не дышал. И в этой тишине я продолжила:

– Самое ужасное в том, что твои руки и ноги бы не выросли. Даже получив кровь Амира, ты бы оказался заперт со всей его мощью в этом жалком теле без рук и ног. Ты поторопился превратиться в монстра, терпения не хватило... Амир ждал меня шестьсот лет.

Отвернувшись от него, я подошла к Жаклин. Она испуганно вскинула на меня глаза и что-то лихорадочно зашептала на английском.

– Жаклин, где же твоя выдержка голубой крови королей? Вот стою я перед тобой, обычная крестьянская тётка, в подругах у меня ведьма и мутанты. И я знаю, что они никогда меня не предадут, как не предаст Амир. Королеве не пристало добиваться власти предательством... если ты конечно королева. Кровь всего лишь кровь, она у всех красная. Тебе ли не знать, если ты сама свою дочь продала... ты продала её Амиру, а за это хотела стать женой вождя. Как ты предала свою дочь, так бы и предала Амира.

– Рина!

Визгливый голос Акиро заставил меня обернуться, но Амир не позволил подойти к нему, положил обе ладони мне на плечи.

– Ты не можешь его любить! Он...

– Я знаю – кто он. И знаю – кто ты. Ты монстр не потому, что превратил себя в чудовище, а потому, что готов убивать всех ради своей глупой цели...

– Моя цель – ты!

– Я не хочу быть целью, я – мечта. Я тебе не нужна, я сама... тебе нужна моя кровь и энергия, ты бы меня использовал, а потом убил. Как и Жаклин. И Амира вы бы тоже убили... и королеву... и детей. Всех.

– Ненавижу!!! Как я вас ненавижу! Вы мусор на пути! И ты... кусок железа, мерзкого железа! Амир, как ты можешь? Ты, единственный на весь мир достойный король! Только ты можешь править миром, а выбрал эту... это мясо...

Жаклин упала на колени и зарыдала, Амир грозно сжал губы и наклонил голову, но я положила ладонь на его руку:

– Она права – ты меня выбрал.

Он усмехнулся и кивнул, глаза стали яркими, резким голосом произнёс несколько фраз. Роберт встал у куба с Акиро, Вито рядом с Жаклин. Амир проводил меня к столу, коснулся губами руки и прошептал:

– Мечта... ты моя мечта.

А затем последовала речь Тёмного. Амир встал в центре кабинета и сложил руки на груди.

– Жаклин, хочу тебя огорчить. К сожалению, твоему сожалению, твой прадед, один из королей Испании не сын своего отца – короля, а потомок наёмника из Франции...

Он выдержал театральную паузу, полюбовался ужасом в глазах Жаклин, только потом продолжил:

– ...который по происхождению является крестьянином из поместья герцога де Пен-тьевр. В возрасте восемнадцати лет он примкнул к банде наёмников и отличался смазливой внешностью.

– Неправда!

– Об этом написано в документах, хранящихся в замке моей жены.

Амир ослепительно мне улыбнулся, непростой замок в приданом. Хотя, что у него по простоте делается.

– Этот замок принадлежал семье, многие столетия сохранявшей архив королевских семей Испании. Тайный архив.

Последовала очередная пауза, и затем новый удар:

– А твоим отцом был студент из Польши, копировавший картины в вашем дворце. Ты на него очень похожа.

Вито достал из кармана пиджака фотографию и приложил к стеклу, Жаклин в ужасе закрыла лицо руками.

– Генетический анализ подтвердил отцовство. А его дедом был индеец племени сиу, приехавший в Европу из Америки с цирком. Конный номер. Жаклин, ты прекрасная наездница.

Амир говорил почти весело, как будто рассказывал анекдот из жизни местной элиты, кичившаяся своим аристократическим происхождением, а на самом деле была потомком пьяницы пивовара, разбогатевшего на продаже своего пива. И вдруг резкий поворот – тон вождя, решающего судьбу:

– Я не могу использовать твою кровь для пищи боевикам, она не подходит по качеству. Не подходит она и для мутантов. Поэтому ты просто исчезнешь.

Жаклин растерянно оглянулась, посмотрела на Акиро, но в этот момент Вито накрыл куб тканью и прозвучал тонкий звук. Фиса закрыла мне уши, на всякий случай. Через несколько

секунд Вито снял ткань, и Жаклин в кубе не оказалось. Я освободилась от рук Фисы и подбежала к кубу – на месте, где стояла Жаклин, лежала горстка серого пепла. Амир услышал мой шёпот и подтвердил:

– Установка Акиро.

– Как боевики...

– Да. Роберт изменил настройки.

Амир взял меня за руку и вернул к столу, помог сесть в кресло, но не смотрел в глаза. Это я решила их судьбу, сама ему сказала, что он их должен убить. И он исполняет.

– Солнышко... вождь...

– Фиса, он прав.

И я посмотрела на Акиро твёрдым взглядом жены вождя, пришло время отвечать за свои поступки.

– На твоём счету жизни боевиков моих кланов и кланов Глеба.

Амир стоял перед Акиро в той же позе, расслаблено, сложив руки на груди. Вождь объясняет врагу, за что тот достоин смерти.

– Ты напал на королеву, её ближний круг и их семьи.

– Я напал на тебя.

Акиро попытался гордо поднять голову, но у него не получилось, тело подрагивало от страха, и держалось только на ремне, обернувшем его поверх набедренной повязки.

– Напал.

Амир согласно кивнул головой.

– На меня многие нападали. Но сейчас я стою перед тобой в своём доме, а твои установки работают на меня.

И Акиро получил удар, он вскинул глаза и его губы задрожали.

– Я нашёл все твои установки. Несколько роботов ещё активны, но уже под моим контролем. Выполняют мои задания.

На этот раз театральной паузы не было, Амир неожиданно оказался перед стеклом и медленно положил правую руку на стекло. Пальцы стали удлиняться, а на концах появились крупные загнутые когти.

– Ты знаешь – кто я. Твои создания сильны и не реагируют на мою энергию. Но у них нет сознания, способного сопротивляться другому сознанию... кроме силы требуется ум. Рина вынесла страшную боль от удара твоего поискового луча...

– Я не знал! Я искал тебя!

– Амир – это я!

Мой крик разнесся по всему кабинету, я вскочила, подбежала к Амиру и положила свою ладонь на его когтистую лапу.

– Я не королева! Я просто жена Амира... я люблю его и никогда, слышишь, никогда не стану ничьей...

– Ты не можешь его любить! Не можешь...

Амир подхватил меня на руки, и мы оказались у стола, а Роберт накинул ткань на куб. Я прижалась к широкой груди, но слёз не было, странное спокойствие разлилось по телу. Рука Амира, я коснулась её, и ничего не произошло, лишь ощущение жёстких мышц и когтей. Подумаешь – когти.

– Рина, как ты?

– Хорошо.

Он удивлённо приподнял брови, и я ему улыбнулась. Кубов в кабинете уже не было, по экранам проносились картинки каких-то событий, может даже этих оставшихся роботов показывали. Фиса длинно вздохнула:

– Чучело безрукое... надо ж себя так изуродовать... ради чего?

Роберт встал рядом с ней и доложил:

– Акиро постоянно экспериментировал над собой.

– Он был болен в детстве? Ну, ходить не мог... или с руками что-то было?

Амир усмехнулся и, убедившись, что я не рыдаю и не упаду в обморок, посадил меня в кресло.

– Акиро победитель многих соревнований по нескольким видам спорта. Хотя олимпийским чемпионом не стал.

– Это ж надо, всех поубивать, чтобы Рина стала королевой...

– Императрицей. Амир, а императрица выше королевы?

Мой вопрос застал его врасплох, и он только что-то промычал, а Роберт ослепительно улыбнулся:

– Выше.

– Я не поняла одного, он, что – любил меня?

– Говорит, что любил.

Амир не хотел обсуждать этот вопрос, и я задала первый попавшийся, который пришёл на ум:

– А откуда он обо мне знает? Сам сказал, что наконец-то увидел... как можно любить и не видеть...

– Селин передала ему некоторые записи с тобой. То, как ты летела тогда в самолете.

– Только эти?

– Да.

Я попыталась вспомнить, о чём мы тогда с Амиром разговаривали, естественно, не вспомнила и махнула рукой.

– Странная любовь...

И решила уточнить другой вопрос:

– Неужели Акиро такой богатый, что смог создать таких роботов, лодки с установками... это же сумасшедшие деньги.

– Он не один.

Я решила, что Жаклин его финансировала, но что-то в глазах Амира меня насторожило.

– Есть другие? Такие как он?

Глаза вождя потемнели, и он отвернулся, но всё же признался:

– Есть. Тёмные и люди.

– Война не закончилась?

– Эта закончилась.

Фиса издала длинный шипящий звук, потом громко вздохнула и высказала общее мнение:

– Передышка... тоже хорошо.

И я сначала тихо засмеялась, потом захохотала, враги повержены, можно и отпуск себе позволить. Какой бы ни был, хоть кратковременный.

– Рина...

Амир тревожно взглянул на меня, и я замахала рукой, не сошла с ума.

– Ты сможешь... кратковременный... хоть на день... отпуск устроить?

– Могу.

Но Фиса тут же заявила:

– Рине отдых надобен... столько тревог... спать, лебёдушка, спать... отпуск завтра начнешь...

– Я не хочу спать!

– Полежишь денёк до завтра, а уж потом хоть...

– Амир, давай отпуск прямо сейчас начнем?

– Завтра. А я пока займусь делами.

Но в спальне решимость вождя сразу заняться делами испарилась, как дым. Амир посадил меня на постель, а сам встал передо мной на колени.

– Рина...

Я приложила пальчик к его губам.

– Отпуск, самое главное сейчас – отпуск. Ни о чём не хочу слышать. Доделывай дела... нет, подожди...

По потемневшим глазам я дошадалась – его волнует рука с когтями на стекле, появление которой свидетельствовало о том, что он не выдержал спокойного тона разговора. Акиро причинил мне боль, и Амиру было сложно удерживаться и не порвать его как Тёмному. Я взяла его за руку, которая лежала рядом с моей коленкой, правую, ту, которая превращалась в лапу зверя с когтями, и приложила к своей щеке.

– Я не боюсь тебя.

Пальцы вздрогнули, коснувшись моей кожи, а глаза превратились в тёмные провалы.

– Рина...

– Где мы проведём отпуск?

– А где его проводят?

– У тебя никогда не было отпуска?

О чём я?! Какой отпуск у ирода и вождя?

– Никогда.

Я так и держала его ладонь у своей щеки, она становилась всё горячее, мне пришлось отодвинуть её от себя.

– Горячо...

– Прости.

Амир хотел достать свою ладонь, но я схватила её обеими руками.

– Мы останемся дома... просто ты никуда не уедешь. Хорошо?

Не давая возможности Амиру что-то сказать, я поцеловала его и приказала:

– Ты выходишь в домашний отпуск. Никаких телефонов, переговоров и боевиков... только я.

Не удержавшись, Амир подхватил меня на руки и поцеловал, но его руки не ломали меня, ласково обнимали, прижимая к горячему телу. Он закружился по комнате, а я рассмеялась:

– Танцевать! Амир, я хочу танцевать!

– Завтра устроим бал...

– Без Мари? Нет, вот когда она вернётся, тогда и будет бал, а сейчас просто отпуск.

Остановившись в центре комнаты, Амир опустил меня на ноги, яркая улыбка окрасила лицо:

– Хорошо, я начну готовиться к большому балу.

– После отпуска! Один день, Амир, один день!

Он расхохотался, опять закружил меня по комнате:

– Вся жизнь, Рина, вся моя жизнь принадлежит тебе!

Я только улыбнулась, даже не буду думать, что означают его слова, шестьсот лет многовато в качестве дара обычной человеческой женщине. Хотя бы один день.

Амир никак не мог уйти доделывать свои дела, то целовал меня, то кружился по комнате, а потом мы стояли у окна и смотрели на море, которое, наконец, успокоилось.

– Ты изменил изображение?

– Нет.

– Настоящее море?

– Настоящее.

– Скалу убрал?

– Убрал.

Победа. Он победил врагов, не врагов, завистливых дураков, которые хотели силой и хитростью захватить то, что судьба им не дала, потому что они недостойны. Они не заслужили ни силы, ни власти, ведь не принесли в своей жизни ни одной настоящей жертвы. Не отдавали своей жизни за жизнь дорогого для себя человека, или не человека. На самом деле не важно – за кого, они лишь боролись за власть, которая сама по себе ничего не значит без сердца и ума.

Я смотрела на Амира, такого красивого и сильного, невероятно сильного, боровшегося за меня каждый миг даже тогда, когда я ничего для него не значила, упавшая на него чужая женщина. И не слова королевы или Глеба, а собственное решение спасти мне жизнь удерживало его в страшной жажде моей крови. Он спас меня, как спас род Фисы, как спасал многих и многих в своём невероятно сумеречном мире. Единственный и неповторимый.

4

Фиса появилась сразу, как только Амир героически заявил, что дела всё-таки надо делать и вышел из спальни. Новости едва удерживались в ней, глаза сверкали, а руки махались в разные стороны. Я уселась на постели и ехидно спросила:

– Значит – спать?

– Да... унесётесь опять... и нам с Родей за вами...

От моего хохота вздрогнул дворец, а Фиса покраснела. Вот оно как, у неё тоже свой интерес оказался – подольше остаться с милым в доме.

– А мне... значит... спать... из-за вас...

– Нечего мотаться... синяя кода была? И денька не прошло, а волосья, ты глянь на волос-то...

– А что волосья, что им делается, растут...

Фиса чинно села рядом со мной и таинственно прошептала:

– Неспроста это...

– Фиса, отпуск на один день! Один! И дома... мы дома остаёмся, не переживай, Родя тоже здесь останется.

– Да уж... с вами ухо остро держать надобно.

Я опять хихикнула, а она мрачно взглянула на меня и изрекла:

– Передышка... Рина, зверь-то ещё на воле...

– Какой зверь?

Она вздохнула, покачала головой, а я потребовала:

– Говори.

– За тобой охота...

– Им нужен Амир...

– Ты... а от него только кровь.

– Я не понимаю... я человек, всего лишь человек...

– Волос твой...

– Фиса! Говори, при чём здесь мои волосы!

Вскочив с постели, я подошла к зеркалу, пушок превратился в настоящие антенны. Мне даже показалось, что у корней они стали ещё темнее и толще, поэтому и торчат в разные стороны. Даже сравнить не с чем, одуванчик не подходит, моё тело не похоже на тонкий стебель. И у одуванчика семечки на тоненьких-претоненьких воздушных волосках. А у меня?

– Состригу... и не нужна буду никому.

– Одурела! Жизнь твоя в них!

– А теперь подробнее.

Я встала перед ней и состроила взгляд жены вождя.

– Волос твой энергию принимает... Родя так сказал.

А вождь очередной раз промолчал. Хотя, не промолчал, сказал, что нравится.

– Ну да, как башня телевизионная.

– Рина, ты чувствуешь, как сила везде протекает... волосом и чувствуешь.

Да, синева странно как-то проходила, волной... ну да, как волос энергию ловил в пространстве и по телу распространял. Я мрачно взглянула на Фису:

– И зачем кому-то нужна такая антенна? Энергию я ведь только для себя принимаю... или нет?

– Амиру тоже достается.

Мой кивок – это понятно, Фису привёл в состояние гнева от моей глупости:

– Так не только ему! Ты кому захочешь, можешь передать... из воздуха выловить и другому передать.

И сразу представился Акиро с проводками из плеч, вот оно что. Какая любовь – ему источник энергии нужен.

– А почему кровь Амира?

Но на этот вопрос у Фисы ответа не было, она пожалала плечами. Я вернулась к зеркалу и дернула себя за волос, боль оказалась такой сильной, что ойкнула.

– Как больно... так не должно быть.

– А я что? Непростой волос, непростой.

Я почесала голову, боль постепенно успокоилась, зато появилась мысль:

– Они очередное чудовище хотят создать, перемешают нашу с Амиром кровь и получатся... ходячий... Фиса...

– Что милая? Что надумала?

От ужаса я вздрогнула, не может быть, этого просто не может быть.

– Для этого нужны были дети... их такими сделать хотят... они ведь и так силу имеют, а им кровь Амира и мой волос, чтобы они из воздуха энергию получали... бесконечно, понимаешь, их убить нельзя... как Софию.

А Фиса руки к груди прижала:

– Машенька да Соня... потому вождь и далече спрятал.

Но тут же выдала ещё новость:

– Эта стерва... Жужука эта, дочь свою с энтим Акушкой... кабы он кровь вождя-то получил, так дети мол будут... обещание дала.

– Жаклин хотела отдать Акире свою дочь? Селин? Этому пауку?

– И была уверена, что у них будут дети, как у боевиков ближнего круга королевы. Для этого им нужна своя королева... императрица.

Амир стоял в дверях и смотрел на меня тёмным взглядом. Усмехнувшись, добавил:

– Жаклин была уверена, что сама родит ребёнка... настоящего короля всех времен и народов.

– И она с ним будет править миром.

– Обниматься-то железяками бы стал?

Вопрос Фисы застал меня врасплох, я растерянно подняла глаза на Амира, и он от неожиданности выдал самую страшную тайну:

– Я был нужен живым.

– Ты?! Ты бы стал её любовником?

Фиса внесла уточнение:

– Производителем.

Амиру ничего не оставалось делать, как всё популярно объяснить:

– Жаклин добивалась того, что произошло с королевой. Ты меняешь всех вокруг... и она была уверена – если ты будешь рядом, то у нас с ней родится ребенок.

– А без меня... никак?

Прыснув в кулачек, и закатив глаза к потолку, Фиса заявила:

– Свечку-то держать... токмо тебе... чтобы дитё правильное зачалось. Они бы трудились, а ты освещала.

Амир опустил голову, но я успела заметить его гневный взгляд в сторону Фисы, опять она все секреты раскрыла. Но я не могла пропустить такой момент, встала и подошла к нему:

– Расскажи всё.

– Тебе пора...

– Не буду есть. И спать не буду. Отменю отпуск.

Выдав все угрозы, какие смогла придумать, я даже стукнула его по груди. Амир вздохнул, кивнул головой и подхватил меня на руки.

– В столовой.

Он заставил нас с Фисой поесть, посмотрел таким взглядом, что мы с Фисой безропотно поужинали. А для уверенности, что будет говорить правду, сам сел за стол. Когда Фред унёс посуду, в столовой появились Роберт и Вито. Ну да, куда без основных исполнителей. Этаким семейный ужин.

– Акиро талантливый физик, занимался энергией уже много лет.

– Ты знал, во что он себя превратил?

– Знал. Но ему удалось скрыть от всех свою связь с Жаклин.

Вито, стоявший у стола за его спиной, добавил подробностей:

– Акиро сотрудничал с несколькими кланами, они и помогли ему втайне от всех создать установки и предоставили свои подводные лодки.

А Роберт, вставший за спиной Фисы, уточнил:

– Жаклин известная фигура в нашем мире, она финансировала многие проекты по исследованию вируса. И сама привела свою дочь.

Это дополнение заставило задать вопрос, который у меня возник, как только я увидела её:

– Жаклин приходила к тебе с предложением стать королем?

– Приходила.

Амир усмехнулся и честно признался:

– С таким предложением ко мне приходили многие.

– И жениться предлагали?

– Предлагали. Готовы были отдать своих дочерей в мой гарем.

А я орала и топала ногами – посмел, видите ли, к законной жене чуть ближе встать... да ни разу даже намёка не было, что он как к жене ко мне относится. Только когда память потерял и то вовремя остановился или его остановили, даже уже не помню.

– Акиро хотел получить новое тело...

– Как? Как можно отрастить руки и ноги... или можно?

– Нет, новые уже не отрастают.

– Поэтому меч?

– Да. Нельзя убить, но можно отсечь конечности или голову. Если нет головы, то организм перестает функционировать. Ты сказала ему правду.

– Неужто не знал?

Фиса удивлённо подняла голову, и Роберт ей ответил:

– Знал. Но был уверен, что Рина, когда станет его императрицей, отрастит ему новые.

– Я?

Амир вскинул на меня честные голубые глаза:

– Ты же всех меняешь. Неужели мужу бы не помогла? Любовь совершает чудеса.

Поэтому Акиро всё о любви говорил, и Амиру его слова очень не нравились, он ему не давал возможности говорить, сразу прерывал. А потом вообще распылил на молекулы.

Фиса обратилась ко мне с предложением:

– А что... ты со свечкой-то, может, и постоишь? Глядишь, ребялёнки у вождя и нарождаются.

Никакого сомнения в глазах, ни капли смущения, только деловое предложение по возрождению народа. И я решительно подняла глаза на своего мужа:

– Веди.

Амир не понял моей решимости:

– Кого?

– Девушек.

Такого буйства в глазах я не видела уже давно – цвета менялись стремительно, казалось ещё немного, и мы с Фисой тоже молекулами распылится. И вдруг послышался весёлый голос Вито:

– Ты лучше нам с Мари посвети.

Взгляд Амира стал таким, что я испугалась, и когда он встал, тоже сразу подскочила:

– Сами управитесь.

Вождь усмехнулся и что-то произнёс, Вито склонил голову и исчез. Я не успела испугаться, как Роберт уже исчез от одного направленного на него взгляда, даже слово не потребовалось. Только Фиса положила локти на стол, демонстративно сцепила ладони – она не ироды, никуда не исчезнет.

– Ты вот вождь... воин... а мысли нет, что жена твоя как рубль в лавке... каждый раз менять готов на копеечку.

– Фиса, о чём ты?

Осознав, что Амир не будет её изгонять силовым образом, я опустилась на стул.

– А о том, что горозд вождь воевать... токмо женщина ты... жена... цену себе знаешь и ответ дала всем достойный. Тепереча ты рубль золотой, а муж серебряный.

Она задумалась на мгновение, даже голову склонила, Амир в этот момент сел за стол и обратил на неё внимательный взгляд, что-то услышал в её словах. Фиса посмотрела сначала на меня, потом перевела свой взор на Амира:

– Гнев свой остуди и ответ Рине дай... жена она тебе али игрушка, как энтим... потому как легко железного паука мужем обозвал, значит, сомнением оскорбил... жена мне, и энтому женой можешь стать, коли его победа будет.

– Фиса, я даже не думала...

– Это ты... душа чистая, солнце в небе чёрном... на любви одной живёшь, сомнение не допускаешь.

Я всё ещё не понимала, куда она клонит, только вспоминала фразу Амира, которая так задела Фису. Что-то не понравилось ей так, что она пошла на открытую конфронтацию с вождём. Амир молчал, наклонив голову и сложив руки на груди, смотрел на неё тёмным тяжёлым взглядом.

– Велик вождь, а с тобой мир у ног... Жужука путь указала. Акушка рыбка мелкая, килька полосатая, да и то соображение имеет – волос твой сила немереная... всему народу спасение... токмо тебе погибель.

– Я... ты сама сказала, что они мне помогают энергию...

И тут всё встало на свои места – моя любовь совершает чудеса, я всех меняю, могу что угодно сделать, и ноги отрастить и руки, детям помогу появиться. Любым детям, не важно, ирод или человек, постою рядом со своими удивительными волосами, энергию наберу из пространства и передам. Разменная монета, кто владеет, тот и разменивает как угодно, на любое чудо. Неужели мужу не помогу?

– Что... скажи... или ещё подождешь? Вдруг я горы раздвигать научусь... хотя у тебя самого получается... только... ты знаешь, я бы не стала Акиро помогать... не люблю железа в постели.

Я поднялась и медленно вышла из столовой, Вито появился сразу за дверью, но близко подходить не стал, натолкнулся на мой взгляд. Так и шёл вслед за мной до спальни. Когда я села у окна, опустил рядом и обнял за плечи.

– Рина, Амир любит тебя.

– Не знаю... Вито, я ничего не знаю... так хочется быть просто женщиной.

– Ты удивительная женщина.

– Не хочу быть удивительной, не хочу быть предназначением... кто-то начертил, а я страдаю.

– Рина, твоя боль...

– Вито, не о боли речь... я ни о чём не жалею, я бы всё заново прошла, если понадобилось...

– Не говори так!

– Опять кричать на меня будешь?

– И топтать ногами. Я невротический истерик, сама диагноз поставила.

– Истерический невротик.

Вито погладил меня по голове, и я прислонилась к нему. Слез не было, только очень больно в груди, что-то щемило и ворочалось в сердце.

– Мало того, что ужасно выгляжу с этими волосами, так ещё теперь все из-за них ловить будут. Постриги меня.

– Я не умею.

– Ты всё умеешь...

– Ты получаешь энергию через них. Они тебя спасают.

– Не хочу спастись...

– Рина.

– Ты говорил с Мари?

– Говорил.

– Как она?

– Она далеко. Скучает.

– Передавай ей привет от меня.

– Я передал. Сказал, что с тобой всё хорошо. Она не поверила.

– Почему?

– Сказала, что должна сама на тебя посмотреть. Только когда видит сама, только тогда точно знает. Она всё понимает.

Дочь своего отца, точно, как Амир. Только когда сам видит и чувствует.

– Это неправильно, что я...

– Сомневаешься?

– Да. Я не должна сомневаться в нём, понимаешь, если люблю, то не должна сомневаться.

Вито вздохнул, опять погладил меня по голове.

– Мы не умеем говорить... Мари тоже не всегда меня понимает.

– Но вы же с людьми разговаривали, ну, на ваших заданиях. Амир вообще хитро-мудрый.

Послышался странный вздох, и последовало признание:

– С чужими просто, с ними игра, главное – добиться результата... не важно, что будет потом.

– Со мной сложно?

– Очень... как на минном поле.

– Что?

- Никогда не знаешь, на каком слове взорвёшься.
- Я мина?
- Ты неприступная крепость, вокруг которой разложены мины.
- Вито...

Он вздохнул:

- Рина... я не знаю, как убедить тебя, что нам, нам всем...
- Свободен.

Я опустила голову, а Вито, прежде чем встать, провел рукой по моим волосам. Он не исчез, медленно встал и вышел из комнаты. Амир стоял у постели, не пытаясь приблизиться ко мне, и я похлопала ладошкой по полу, приглашая присесть рядом. Сделала, а сама подумала – интересно, кто-нибудь уже так вождю давал понять, что ему можно сесть рядом?

Амир понял мой жест и сел, свесил руки с колен и вздохнул, покивал головой каким-то своим мыслям.

- Почему кровь Жаклин не подходит боевикам?

Мой голос подрагивал, но кто-то должен начать трудный разговор, не важно, с какого вопроса, просто рот открыть и издать звук.

- Для боевиков набирают только мужскую кровь.
- Она отличается от женской?
- Энергия другая.
- Сильнее?
- Другая.

Амир отвечал спокойным голосом, но вдруг опустил голову и добавил:

- Из определенных мест.

И я задала вопрос, который меня никогда не волновал, но почему-то именно сейчас решила его задать:

– А ты, для тебя какую кровь... привозят... как... насколько тебе хватает, ведь иногда ты целыми днями рядом со мной бываешь.

Молчание длилось долго, Амир смотрел в темноту и сжимал губы, наконец, ответил:

– Для меня кровь привозят из твоего города. Чтобы сохранить единую энергию. Мне достаточно принять один раз в сутки. Я могу не питаться несколько дней без ущерба для своего организма.

Зачем мне это знать? Я никогда об этом не думала, не ест при мне и не ест. И почему именно сейчас, когда во мне опять зародились сомнения, мне важно узнать, как он питается? Чистота крови, Амир контролирует, какая кровь попадает ему и его боевикам. И чистота энергии... он хочет, чтобы у нас была единая энергия, поэтому кровь из моего города, я же всю жизнь там прожила.

– Я совсем не скучаю по своему городу, даже ни разу не вспомнила. Мне интересно с тобой.

- Рина...
- Амир, я не справилась со своим предназначением...
- Мне нужна ты!

Амир подхватил меня на руки, глаза сверкали, а губы пламенели:

- Рина, мне нужна ты! Только ты! Мне нужна жена, просто жена.

И вдруг шёпот:

– Я боюсь тебя потерять, каждый момент ужасные мысли, что ты не выдержишь, что-то случится, и ты исчезнешь из моей жизни... я смотрю на тебя и ненавижу всех мужчин, ревную тебя ко всем... и к Акиро...

- Но я же его даже не знала...

Я забыла все свои сомнения и счастливо прижалась к Амиру.

– Он посмел назвать тебя...

Но не сказал, как меня назвал Акиро, плотно сжал губы и опять сверкнул глазами, разгневанный шейх. И неожиданно успокоился, длинно вздохнул, сел на пол и прижал меня к себе.

– Рина, прости меня.

– За что?

– Я глупый ревнивый вождёк.

Звук, который я издала, вызвал горький смех и вздох. Выждав паузу, чтобы справиться с голосом, уточнила:

– Почему глупый?

Слова «ревнивый» и «вождёк» я оспаривать не стала, про вождька мы уже выяснили давно, а что ревнивый знают все. Амир опять вздохнул:

– Я вождь и Тёмный, всю жизнь существовавший на хитрости и силе. Совершал невероятные поступки для достижения своих целей. И теперь не знаю, как убедить тебя в том, что единственное, о чём мечтаю... это ты... твоя жизнь.

Коснулся губами моей щеки и заговорил мрачным голосом:

– Мне не нужны твои способности... какие бы чудеса ты не совершала... каждый раз я умираю, когда ты лежишь без сознания... когда боль терзает твоё изумительное тело... я готов отдать всё, свою жизнь за тебя, твою прекрасную улыбку, твоё спокойствие...

– Я тебе верю.

– Рина, мне сложно верить... и я не знаю...

– Я верю тебе.

Амир приподнял меня на руках и взглянул в глаза, а я постучала ему пальчиком по лбу:

– Ты только разговаривай со мной... говори, чтобы я понимала тебя, обещал же разговаривать...

– Обещал.

Стремительное движение и мы уже лежали на постели. Амир устроил мою голову у себя на груди, полежал несколько секунд, и встал. Я удивилась, но вопросов задавать не стала, а он снял пиджак, секунду постоял и снял галстук. Мне пришлось уткнуться лицом в подушку, чтобы не захихикать – он снимал галстук так торжественно, как будто это был последний элемент его одежды. Такое ощущение, что без галстука он чувствует себя голым. Снова устроившись рядом со мной, Амир обнял меня и заговорил чуть ироничным голосом:

– Я всегда пользовался успехом у женщин. Человеческих и наших.

Ничего себе начало откровенного разговора, как-то уж слишком.

– Но ни одна из них не привлекла моего внимания. В моём гареме было несколько принцесс, их привели отцы в надежде, что таким образом обеспечат своим городам более выгодные отношения с хасами.

Погладив по голове и едва коснувшись губами моих невероятных волос, Амир признался:

– Несколько женщин я купил на торгах.

– А разве в те времена ещё были невольничьи рынки?

– Были. Учебники истории не имеют никакого отношения к действительности того времени.

– Ты читал учебники?

– Читал.

Усмешка была кривой и угрюмой, но Амир скосил глаза, заметив мой взгляд, улыбнулся:

– Я много читал.

Конечно, читал, собирал всю возможную информацию обо всех и обо всём.

– О женах я тебе уже рассказывал.

– Ну да...

Я с интересом смотрела в посветлевшую голубизну и пыталась понять – что муж задумал? А он ослепительно улыбнулся и продолжил:

– Жаклин не первая, которая привела свою дочь ко мне. Некоторые матери просили обратиться своих дочерей, чтобы дороже продать – их же обратил сам Амир.

– Но ты же женщин не...

– Нет.

– И куда они потом?

– Находили других Тёмных.

– Амир, а как находят тебя? Ну, обычные люди. Я всю жизнь прожила в твёрдой уверенности, что есть только люди...

Не найдя слов, я смутилась, и опустила голову, нашла о чём спрашивать, но Амир ответил:

– О Тёмных многие знают. Если хочешь найти – найдёшь. Ты никогда не сталкивалась с тёмной стороной жизни.

– А что такое тёмная сторона? Преступники?

Амир посмотрел таким взглядом, что мне пришлось опять спрятаться на его груди.

– Преступники в том числе.

По сравнению с ним я наивный грудной ребенок, эмбрион.

– Амир... прости меня за мои сомнения... я на самом деле...

– Ты удивительная. Даже если сама не хочешь быть такой.

Прошло всего несколько секунд и уже другой тон:

– Такие как Акиро появлялись всегда. Достаточно кому-нибудь пообещать выгоду, не важно – какова цена, сразу находилась наёмник, готовый исполнить любой приказ. Только возможности меняются. Ты спасла меня.

Мне не хотелось говорить о своем участии:

– Тебе важна цена.

– Я нарушал много законов в достижении своих целей. Рина... ты моя жена, единственная женщина, ты не разменная монета... ты моя мечта...

Не хочу ничего знать, никакой его прошлой жизни. Не хочу знать, что будет завтра, есть только сегодня, всего лишь момент, но он такой сладкий, такой щемящий. Я поднялась и поцеловала горячие губы, погрузила пальцы в густую шевелюру – нет ничего, есть только мы.

Как мы оказались в бассейне, я не успела понять, Амир целовал меня и вдруг мы опустились в воду. Я ойкнула, но коснулась пальцами чего-то мягкого и открыла глаза. Цветы, кругом цветы. Бутоны роз покрывали всё пространство: белоснежные, алые, жёлтые, они слегка покачивались на воде, освещённые отблесками огня свечей.

– Амир... так красиво...

Мое платье сразу намокло, и пока я рассматривала окружающую красоту, Амир несколькими точными движениями раздел меня и разделся сам. Разной высоты свечи создавали удивительную картину живых теней, которые передвигались по стенам и опускались в воду, теряясь среди лепестков.

Амир плавал вместе со мной, прижимал к своей груди и опускался под воду, медленно поднимаясь над шевелящимся цветным ковром. Он улыбался мне, когда я осторожно открывала глаза в воде, чтобы посмотреть на него, или надувала щёки от недостатка кислорода. Его большое тело обнимало меня, крутилось вокруг, и обнажённым смотрелось ещё крупнее, а я казалась себе маленькой круглой рыбкой.

Так любить может только навечно истосковавшаяся душа, у которой не было надежды. Заточённая в гигантском теле, наполненном невероятной силой, она стремилась ко мне, как птица стремится в небеса, в надежде ощутить хотя бы мгновение счастья. Не обладать, а отдавать себя, наполнить силой, своим счастьем от дыхания, от возможности коснуться, прижать

к себе ласковым движением любви. Амир ждал меня шестьсот лет, его прекрасное тело, олицетворение мощи воина, обволакивало меня собой, закрывало от внешнего мира, даже если этот мир – всего лишь бассейн с цветами. Пламенеющие губы позволяли себе недостижимое счастье прикоснуться к местам, недоступным даже в мечтах, а пальцы не могли остановиться в стремлении познать меня.

Я никогда не любила, не знала своей души и своего тела. Не могла представить, что душа может петь от прикосновения горячей кожи, а тело пылать от одного взгляда, наполненного затаенной многие столетия нежностью. И Амир узнавал себя вместе со мной, впервые ощущал жар женского тела, охваченного страстью. Он чувствовал каждое моё прикосновение, движение руки, отзывался всем своим гигантским телом на мой вздох. Мы ждали друг друга, наши души не могли любить никого, а тела не чувствовали чужого пламени – только мы, только эти глаза и эти губы.

Тихий звук проник в сознание, заставил губы улыбнуться, но глаза не открывались. Песня, так звучать может только песня счастливой души. Мелодия слов любви лилась и лилась, к ней добавились ласковые пальцы, нежно касавшиеся лица.

– Амир...

– Любимая...

Я открыла глаза, голубизна сверкала так, что я прищурилась.

– Любимая, солнце в небесах не может соперничать с тобой... его свет меркнет, когда ты открываешь глаза.

И сразу поцеловал, нежно-нежно, обнимая мои губы своими губами.

– Рина... твоё имя самая сладкая песня, звучащая в этом мире...

Он что-то шептал на своем певучем языке, прерываясь на поцелуи, не давая мне возможности открыть глаза и что-то сказать. Нега тела и счастье души, впервые они соединились в руках мужчины. Я улыбнулась в губы Амира и прошептала:

– Небеса... я лечу...

– Летим.

Амир как-то повернулся, и мы поднялись над постелью. Мой «ойк» рассмешил его, и послышался тихий смех:

– Места мало.

А я увидела спальню с высоты потолка.

– Амир...

Кругом были лепестки цветов, даже на стекле окна непонятным образом держались алые линии, а у постели стояли большие низкие вазы, заполненные высокими стеблями с белыми шарами на концах, как кусочками облаков. И вся постель покрыта множеством лепестков.

– Ты самый прекрасный цветок...

– Я – цветок?

– Самый удивительный... единственный в мире цветок.

Мы медленно опустились на постель, и Амир прошептал:

– Я люблю тебя... какое удивительное слово... люблю... сколько в нём счастья... в нём ты... твои глаза... твои руки... твои удивительные губы...

Замерев от этих слов, я прижалась к его груди, а он всё повторял:

– Я люблю тебя... люблю... люблю... прекрасный цветок...

– Амир...

– Слова, какие удивительные слова...

Он смаковал звуки, когда говорил необычное для него слово «люблю», которое никогда не произносил в своей многовековой жизни.

– Я люблю тебя.

– Я люблю тебя.

Хихикнув, я заявила:

– Я первая сказала... призналась, а ты молчал...

– Я не молчал, я говорил...

– И кому ты говорил? Прошепчет, когда я толком ничего не понимаю, и убежит, или я... убегу... ну, сознание потеряю. А вот так, серьёзно, не говорил.

Амир хмыкнул, чмокнул меня в нос и встал. Идеальное мужское тело – широкие плечи, мускулистые руки и торс борца, длинные ноги, твердо стоявшие на лепестках роз. Смуглая кожа превращала эту фигуру воина в прекрасную статую, а седина на висках подчёркивала ослепительную голубизну глаз и черноту волос. Я представила себя на постели, и стала водить рукой вокруг, в надежде нащупать одеяло и прикрыться. Амир улыбнулся и встал на колени, протянул руку, сказал несколько слов на своём певучем языке. Не зная, что делать, я всё же подала ему ладонь.

– Рина, я люблю тебя, самую удивительную и прекрасную женщину, свою единственную жену.

Добавил ещё несколько слов, произносил их торжественно, глаза потемнели, и я встревожилась:

– Что ты сказал? Амир, если ты любишь меня... говори...

– Я поклялся, что больше ни одна женщина не разделит со мной ложе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.